

ВАРЛОРД ВОСТОЧНЫЙ ПАКТ

АЛЕКС ДЕЛАКРУЗ

Варлорд

Алекс Делакруз

Варлорд. Восточный пакт

«Автор»

2021

УДК 82312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6445я5

Делакруз А.

Варлорд. Восточный пакт / А. Делакруз — «Автор»,
2021 — (Варлорд)

Вторая книга саги о варлорде Артуре Волкове. Удивительно знакомый и в то же время чужой мир. Мир, где не было Второй мировой, и где в 2020 году высокотехнологичные армии корпораций спорят за мировое господство с владеющими магией аристократами. Там ему было тридцать пять. Здесь нет и пятнадцати, зато проблем на все сто – ненависть неожиданных родственников, перечеркнутый бастардной перевязью герб, презрение окружающих и запретный дар, применение которого грозит смертной казнью.

УДК 82312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6445я5

© Делакруз А., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	48
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Алекс Делакурз

Варлорд. Восточный пакт

* * *

Глава 1

– Что было в начале? – поинтересовался фон Колер.

Недолгое молчание, и внимательный взгляд расположившегося на сцене аудитории барона уперся в меня.

– В начале было слово, – ответил я. Сказал практически не думая, ориентируясь на фон из картин на религиозную тематику за спиной профессора.

Вот только с обоснованиями сущего, которыми занимается религия, у меня по знаниям не очень хорошо. Так что сейчас процитировал не столько богословский трактат, сколько въевшийся в память текст из клубной юности, который продолжался как «...слово породило ритм, ритм дал жизнь движению...».

– Еще варианты? – между тем осмотрел фон Колер присутствующих.

Рядом со мной на скрипучей деревянной скамье находилось четверо гимназистов. Был и еще один – Валера. Вот только расположился он поодаль от нас, показательно дистанцировавшись.

– Или вы все слишком грамотные для того, чтобы рискнуть ответить, или мне уже впору воскликнуть: «Господи, из каких бездн мне придется вытаскивать их на свет просвещения!» – явно цитируя кого-то, демонстративно обратил взор к небу фон Колер.

То есть я, получается, был недостаточно грамотен для того, чтобы промолчать? – мысленно расстроился я, пристально наблюдая за бароном, который столь неожиданным образом начал свою первую лекцию по теории темных искусств.

– Артур Сергеевич предположил, что в начале было Слово. Но Евангелие от Иоанна совершенно не тот труд, на который стоит нам сейчас ориентироваться. Тем более, что употребленное в первоисточнике слово «логос» согласно Дворецкому имеет тридцать четыре гнезда значений. Мы же обратимся к самому истоку.

Барон вышел из-за трибуны и обвел нас пристальным взглядом. В руке у него была указка, которой он постукивал по краю стола, чем вдруг напомнил полубезумную Клаудию, убитую мною совсем недавно. Пока я отгонял неприятные и непрошенные воспоминания, фон Колер вновь заговорил.

– В начале сотворил Бог небо и землю. Земля была пуста, и сказал Бог: да будет свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы, – произнес столь знаменитую цитату, профессор замолчал в ожидании.

– Так получается, что в начале была тьма? – с ленцой поинтересовался Валера, уже разложившийся на скамье, как на шезлонге.

Фон Колер с поистине ангельским спокойствием и благожелательным выражением лица повернулся к Валере. Сначала вроде бы ничего не происходило, как постепенно вокруг словно начала сгущаться темнота. Глаза профессора стали полностью черными, а за спиной выросли сотканые из темных лоскутов огромные перепончатые крылья. По пергаментно бледной коже фон Колера поползли черные нити расширяющихся вен, а ставшие бесцветными губы ощерились в устрашающей гримасе.

– По статистике, каждый пятый одержимый или погибает в течение года после инициации, или становится ограниченно разумным существом, не сумев справиться с полученным даром. Так что у всех пяти находящихся здесь одержимых есть немалый шанс не дожить до начала следующего учебного года. Вас сие тоже касается, Валерий Георгиевич. Это понятно?

Голос фон Колера звучал негромко, но доносился будто со всех сторон, обвивая, словно схватившая добычу змея. Появившиеся шипящие нотки прибавили впечатления, и я даже передернул плечами – несмотря на то, что ментальное внушение было направлено на Валеру.

Как он себя сейчас чувствует, я даже не знаю. Зато знаю, что если по итогу он намочит штаны, вряд ли кто сможет его за это укорить.

Ответа Валеры я не услышал. Но тот явно смог это сделать, потому что тяжелая удушающая аура мгновенно пропала, как не было.

– Раз понятно, тогда попрошу от вас всех всего две вещи. Первое – это внимание, второе – уважение. Без внимания, и без уважения, с адептами темных искусств часто происходят весьма печальные вещи...

Фон Колер прервался, возвращаясь из демонической формы в обычный человеческий облик. Снова приняв нормальный, не пугающий вид, он повернулся к пустому пространству, сделал несколько пассов руками. Вспышку силы я ощутил так, словно на меня пустынным суховеєм вперемежку с колким песком дохнуло. Сразу же неподалеку от барона открылся портал, обвятый серыми мглистыми лоскутами.

Из тускло светящейся арки вышло существо, которое несомненно было когда-то человеком. Длинные когти скрежетали по полу, белесые глаза осматривали всех без какого-либо выражения.

– Все вы знаете, что такое синдром возвратной одержимости. Теперь знаете о том, как выглядит результат одержимости безвозвратной, – проговорил фон Колер и, махнув рукой, показал монстру уходить. На жест профессора поначалу тварь никак не отреагировала, но потом медленно развернулась и ушла в портал, который сразу же погас.

– Сегодня, здесь и сейчас, у вас всех есть последний шанс отказаться от изучения темных искусств. Давайте помолчим две минуты. Если вы по истечении этого времени не покинете кабинет, то это будут последние две минуты вашей независимой от Тьмы жизни. Давайте помолчим, и пусть каждый за это время прислушается к себе.

Помолчали. Я за это время осматривался по сторонам. Кроме Валеры, в аудитории присутствовала еще одна моя почти близкая знакомая. Что неожиданно, ясноглазая – бывшая староста. И остальные трое также были из моего класса. Причем нас наверняка всех собрали, чтобы мы как можно больше времени проводили вместе. Задания по общему курсу подразумевают коллективное выполнение – и в связи с этим наше частое совместное времяпрепровождение не будет ни у кого вызывать вопросов.

Вот только причем здесь Валера? К тому же нас шестеро, а фон Колер только что сказал про пятерых одержимых. Его не считает?

– Ну что ж, – подытожил барон двухминутное ожидание. – Я рад, что вы все приняли непростое, взвешенное и – совершенно точно могу сказать – здоровое решение.

Судя по эмоциональному фону, все присутствующие сочли фразу фон Колера за попытку пошутить. Все же озвученный двадцатипроцентный шанс не дожить в разумном состоянии ближайший год перспектива не очень. Но барон, как оказалось позже, был совершенно серьезен.

– Валерий Георгиевич, вы верите в Бога? – поинтересовался барон у отдельно расположенного гимназиста. Который теперь восседал с идеально ровной спиной и внимательно внимал профессору.

– Я ношу православный крест, но вера ведь это не про него, – начал Валера после краткого раздумья. – Я внимательно читал Библию, и мне очень не понравилось, что христианский Бог не просит, а требует от меня безоговорочной любви к себе. Кроме того, что Библия, что Коран...

Фон Колер поднял руку, заставив Валеру замолчать.

– Вы, Артур Сергеевич? – посмотрел он на меня.

– Я не ощущаю потребности верить в богов, которых мне навязывают религии...

Еще более резкий жест прервал мои рассуждения. Обидно – я ведь даже еще не начал глаголом жечь на тему внутренней церкви внутри каждого и о пустоте, которую людям необходимо заполнить.

– Надежда Геннадьевна? – повернулся профессор к большеглазой девушке.

– Верю, – просто ответила Надежда.

Фон Колер после этого посмотрел поочередно на нас с Валерой как на экспонаты выставки современного искусства и перевел взгляд дальше.

– Илья Карлович?

– Не верю, – мотнул головой невысокий светловолосый крепыш. Он, так же как и практически все присутствующие здесь, не был генетически модифицирован. Сомнения у меня были только насчет большеглазой Надежды – очень уж ее лицо напоминало кавайное изображение девушек из японских мультиков.

– Модест Петрович? – обернулся к следующему парню профессор.

Модест. Интересное имя, на слух вот даже приятное – позволил я про себя поерничать.

– Не верю, – ровным голосом ответил Модест. Выглядел он под стать своему имени – вытянутое лицо, четко очерченные скулы, аристократическая бледность, черные глаза и острый тонкий нос.

– Маленькая ложь ведет к большому недоверию, – философски заметил фон Колер.

– Скорее нет, чем да, – совершенно не смутившись, прокомментировал Модест.

– Эльвира Рафаэловна? – обратился фон Колер к последней из здесь присутствующих. Девушка, несмотря на татарское имя, обладала внешностью настоящей северной валькирии.

– Верю, – просто ответила Эльвира.

– Артур Сергеевич. Валерий Георгиевич, – вновь поочередно оглядел нас фон Колер. – Я не спрашивал вас, верите ли вы в то, что говорят о Боге другие люди. Я спросил, верите ли вы в некую высшую силу, именуемую Богом? Итак, слушаю вас.

– Верю, – со второй попытки ответил я. Еще бы мне не верить – после разговора с незнакомцем, назвавшимся Астеротом.

– Не верю, – едва улыбнулся Валера.

Эффект от внушения фон Колера уже немного спал. Сейчас побледневший парень вместе с румянцем возвращал себе душевное спокойствие и понемногу вновь обретал показательную развязность. Осторожную показательную развязность.

– Волею судеб отныне вы все связаны с темными искусствами. Внимание, и уважение – две вещи, которые я от вас просил на моих лекциях. Но есть еще один очень важный момент. Это взаимная откровенность. Не честность, а именно откровенность. Именно поэтому я рассказал всем вам, что каждый пятый одержимый не проживает в разумном состоянии более года после инициации. И именно поэтому у меня сейчас для вас есть еще кое-что, что необходимо рассказать.

Барон обернулся к проекции, которую начали заполнять фотографии юношей и девушек в форме разных учебных заведений. Это были самые разные юные лица, и как я не сразу заметил, с привязкой к появившейся схематической карте мира – география фотографий по всей планете.

– Любой одаренный может приглушить свой источник. Это практикуется по самым разным причинам, о которых мы с вами будем говорить позже. Среди стихийных одаренных элиминирование своего источника и возвращение к статусу обычного человека не несет никаких негативных последствий. Это же, – широким взмахом показал на сонм лиц фон Колер, – все те, кто решил отказаться от изучения темных искусств. И все они погибли не больше чем через девяносто дней после принятого решения.

Как вы видите, география несчастных случаев охватывает весь мир. При этом к каждой смерти применимо выражение «неожиданно умер». Ни одно расследование, проводимое поли-

цией стран Большой Четверки, не нашло доказательств того, что смерти наступали в результате умышленного убийства. Судьба. Фатум. Рок. Называйте, как хотите. Автокатастрофы, пожары, несчастные случаи на горнолыжных склонах, самоубийства, гибель на аттракционах и просто глупые случаи смертей.

Вплоть до таких, как... Хуанита Иглесиас, – обернувшись к проекции фон Колер показал на одну из фотографий с красивой латиноамериканкой, – в дождь ехала по серпантину, не справилась с управлением, и ее машина упала в горное озеро. Хуанита смогла выбраться из тонущего автомобиля, избежать опасности сошедшего селя и вышла к небольшой деревне. Там она зашла в церковь помолиться о спасении и погибла под алтарем, который упал прямо на нее.

Дик Флехтор, – показал еще на одну фотографию фон Колер. – Ехал в машине как пассажир. Водитель затормозил перед открытым канализационным люком, не справился с управлением и врезался в столб. На небольшой скорости. Флехтор погиб от того, что во время столкновения со столбом ковырялся в носу. Сработавшая подушка безопасности вбила ему палец в мозг.

– Какая печальная история, – воскликнул со своего места Валера. Проговорил со всем уважением, поэтому фон Колер не стал как-то пенять вновь рисующемуся гимназисту. Более того, профессор даже сложил руки в молитвенном жесте.

– Амен, – смиренно произнес фон Колер.

– Максимилиан Иванович, почему вы рассказываете об этом сейчас, а не до того, как дали время на обдумывание своей судьбы? – поинтересовалась Эльвира. Голос у нее был необычайно глубокий. Под стать внешности девы-воительницы.

– Потому что все, что происходит с адептами темных искусств, должно сохраняться в знаниях только адептов темных искусств. Это вполне очевидно, – пожал плечами фон Колер и звучно ударил указкой по краю стола. После он обернулся к карте и сделал короткий жест. Фотографии пропали, и вновь за его спиной в большинстве загорелись богословские картины.

– Для того, чтобы мы с вами смогли разговаривать на одном языке, мне нужны от вас базовые знания. В ближайшие два месяца вы должны посетить курс лекций, посвященный основам Новой Физики и Истории религий. Также обязательно посещение моих лекций по курсу Славянского язычества.

– Максимилиан Иванович, вы можете пояснить цель получения нами этих знаний? – не остался равнодушным к услышанному Валера.

– Цель весьма проста, – спокойно произнес барон. – История не требует себя учить, но всегда наказывает за невыученные уроки. Вы вот, Валерий Георгиевич, знаете ли о том, кто такой Чернобог?

– Могу только уверенно предположить, что это один из богов славянского пантеона.

– Верно. В двух словах могу сказать, что поверхностно владеющие вопросом считают Чернобога аналогом Дьявола, но это не так. Чернобог – это защитник нашего мира, Яви, от темных созданий. Это страж нашего мира, который находится... – барон замолчал, ожидая от нас продолжения.

– Среди Тьмы, – машинально продолжил я.

– Во Тьме, – одновременно со мной высказался Валера.

– В изначальной Тьме, – произнесла чуть опоздавшая Надежда.

Фон Колер кивнул, подтверждая наши слова.

– Тьма, вернее существа, в ней обитающие, опасны для нас так же, как и для одаренных. Только вот именно во Тьме мы берем свои силы для того, чтоб защищать наш мир. Вас это также касается, Валерий Георгиевич, – повернулся фон Колер к Валере.

– Максимилиан Иванович, – воскликнул я, привлекая внимание.

– Да, Артур Сергеевич?

– Как я понимаю, Валерий не относится к числу тех, кто обладает даром темных искусств. Вопрос – почему он здесь?

– Валерий Георгиевич оборотень.

Неожиданно. И, судя по эмоциям сидящих рядом со мной темных, неожиданно не только для меня. Валера же, видя наше удивление, расплылся в широкой приветливой улыбке и широко развел руки – мол, да, я такой.

– Природа оборотничества пока совершенно не изучена, а случаи за последние годы единичны. Именно поэтому Валера будет готовиться к инициации вместе с нами, тем более что его дар связан непосредственно с Тьмой.

Валерий Георгиевич, я совсем недавно упомянул Чернобога, – повернулся к оборотню профессор. – Прошу, уделите ему самое пристальное внимание. История говорит нам, что, наравне с защитой нашего мира от тварей Тьмы, Чернобог являлся также покровителем оборотней. Вот только это не точно, – пожал плечами фон Колер, – так что нам предстоит узнать это вместе с вами.

Но мы отвлеклись, продолжим. У меня есть для вас еще цитата: «В начале была Тьма, и Тьма была повсюду, и все было Тьма. Тьма вечна и неподвижна, мертва, но разумна, и Тьма способна произвести из себя жизнь». Откуда это?

Ответа не последовало – никто из гимназистов не знал.

– ...И сотворил Бог света четыре Истока, четыре мощных стихии: Огонь, Воздух, Воду и Землю. И были эти стихии положены в основу мира, – закончил неизвестную цитату фон Колер. Выдержав паузу, он продолжил:

– Богословские книги на первый взгляд кажутся иносказаниями, которые имеют смысловых значений много больше, чем тридцать четыре толкования слова «логос». Также весьма часто тексты книг напоминают простые, или даже упрощенные, сказки для взрослых детей. Но я говорил вам об истории – и когда начинаешь сопоставлять прошедшие через века тексты и события настоящего, возникает вопрос: а что если подобное уже все было? Тем более что есть тридцать четвертое правило Сети, которое гласит: «Если что-то в мире происходит, значит это уже было. Без исключений». Змей Уроборос кусает себя за собственной хвост.

После этих слов фон Колера я с трудом сохранил душевное спокойствие и серьезное выражение лица, потому что в моем мире «Правило 34» звучало несколько иначе.

– Совсем недавно я спрашивал вас о вере. Признаю, вопрос непростой. Вернее, непростой на него ответ – не каждый готов искренне рассказать о своей вере или ее отсутствии. Что мы и увидели на примере Артура Сергеевича и Валерия Георгиевича, – не преминул пустить шпильку в нашу сторону фон Колер. – Основа нашего с вами обучения – откровение. Поэтому я сейчас расскажу вам о своей вере.

Короткое молчание, после которого фон Колер заговорил вновь. И я в этот момент понял, что барон по своему обыкновению начал издали.

– В 1900 году в нашем мире появились первые одаренные. Сейчас, по прошествии более чем сотни лет ясно, что они владеют нашим миром. Но в последние три десятка лет в большую силу вошли одержимые, причем без каких-либо предпосылок. Как говорится, для всего остального мира это произошло «внезапно». Внезапно потому, что существование одержимых подтверждено в глубину истории вплоть до четырнадцатого века. Вот только до этого наши предшественники не проявляли внешнюю силу так, чтобы можно было не то что превзойти, но даже сравниться в могуществе с нынешними стихийными одаренными.

Более того, кроме возвышения одержимых, совсем недавно появились озаренные. Прошу учесть, что это совершенно секретная информация, как и все сказанное здесь и сейчас, – добавил фон Колер и осмотрел всех присутствующих, видя наше удивление: – Да, совсем недавно иницировались первые озаренные, и уже возрождена Святая Инквизиция. И произошло это менее месяца назад.

Несмотря на заявленную цель борьбы с одержимыми и оккультными искусствами, всем и каждому думающему ясно, что цель Инквизиции – именно одаренные. Начнет Святая Инквизиция, правда, с академий темных искусств. Но это нам только на руку, – легко улыбнулся фон Колер. – С этой ересью давным-давно пора что-то делать.

Вид улыбающегося фон Колера это... не неприятное зрелище, но зрелище, вызывающее вполне естественную опаску – понял я, взглядываясь в бледное лицо барона.

– Но я опять слегка отвлекся, – вернулся в русло рассказа профессор, – если говорить о моей вере, то я верю в Бога. Верю, как в нечто высшее, в силу, которой подчиняются процессы нашего мира. И я верю в то, что наш бог – это весь обитаемый мир. Вся наша планета как единый организм, а мы в нем – отдельные клетки. И я верю в то, что наше предназначение как владеющих темной силой – удерживать равновесие...

После этих слов фон Колер, словно почувствовав что-то в наших эмоциях, предостерегающе поднял руку.

– Прошу вас не делать скоропалительных выводов и не формировать свою позицию по сказанному мною сегодня, здесь и сейчас. Я ваш навигатор в изучении темных искусств, вы же, до момента инициации, постарайтесь остаться лишь наблюдателями. Но для того, чтобы у вас был материал для анализа, я отправлю вам подборку информации о стихийных одаренных, которые без повода злоупотребляли своей силой. У буддистов есть такое понятие, как карма. Саму суть кармы озвучил апостол Павел, рассказав римлянам, что каждому воздастся в конце жизни на Божьем суде, и воздастся по делам его.

И что имею вам сказать. Каждый из одаренных, кто начинал вольно и бесконтрольно пользоваться своим даром, сталкивался с кармой. Только, в отличие от гарантируемого нам религиями, это воздаяние совершалось весьма быстро. Так, что впору назвать сей феномен «мгновенной кармой». Поэтому прошу внимательно и вдумчиво изучить и проанализировать все материалы, которые появятся у вас к ознакомлению в личной почте.

И последнее. По итогам скорректированного учебного плана могу сообщить, что вы все шестером теперь являетесь сборной командой нашей гимназии по практической стрельбе. Стрелковый инструктор господин Андре Смирнофф ждет вас через три часа на малом полигоне.

Фон Колер помолчал немного, давая нам возможность переглянуться. Может быть, он ожидал возражений, но глупцов не нашлось. Все молчали, приняв слова барона как должное, хотя с удивлением: о том, что у гимназии есть своя сборная команда по практической стрельбе, все присутствующие явно узнали только здесь и сейчас.

– Заканчивая на сегодня, хочу еще кое-что добавить. Как говорил один наш с вами коллега по темным искусствам, «кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому не стать чудовищем». На первый взгляд, это хорошее предупреждение. Но для вас у меня есть другое: тот, кто хочет убить дракона, должен сам стать драконом.

Наш с вами путь начался и лежит он к самому краю бездны. Но не стоит бояться в нее всматриваться, даже наоборот. Потому что если вы будете объаты страхом, даже я ничем не смогу помочь.

Сейчас же, на прощание, хочу пожелать всем удачи на нашем нелегком пути. И да поможет нам Бог, – уже третий раз за сегодняшний день улыбнулся фон Колер.

Глава 2

По расписанию встреча с инструктором по стрельбе должна была состояться в восемнадцать ноль-ноль. У меня же еще в делах конь не валялся – не только не составил даже тезисно предметы договора с черноволосой княжной, но и...

Споткнувшись на середине мысли, я даже сбавил шаг, а чуть погодя и вовсе отошел с прохода и прислонился плечом к стене коридора, концентрируясь. На самом краю сознания крутилась нахально-близкая мысль, чрезвычайно важная, и мне просто жизненно необходимо было ее ухватить. Вплоть до того, что даже глаза прикрыл, пытаюсь максимально сосредоточиться.

Не удалось. Мысль так и затерялась на развилках ассоциаций, а я беззвучно чертыхнулся и пошагал дальше. Путь держал в свой класс, который, кстати, несколько минут назад получил подтвержденное название – «Индиго».

Привычной сквозной нумерации в российских гимназиях не было. Да и вообще, насколько я понял, система образования в Большой Четверке была во многом унифицирована. Классы во всех странах именовались по системе, схожей с фонетическим алфавитом моего мира, – Альфа, Браво и прочие Юниформ. Во многом кодовые слова, означающие буквы латинского алфавита, совпадали. Но были и некоторые отличия. Вместо «Индии», означающей «I», в здешнем варианте присутствовало слово «Индиго». Не знаю, был ли в этом мире бум псевдонаучных изысканий, посвященных детям индиго, но если был – намек на присутствие одержимых в моем классе весьма жирный.

Всего в фонетическом алфавите меньше тридцати символов. Но для названий классов хватало с запасом, даже без префиксов: первые два года обучения по пять классов, последние два года обучения также по пять классов. Третий же, промежуточный год обучения, везде стандартно формируется по стихиям. По учебному стандарту это четыре основных; плюс одна или две дополнительных – целители, универсалы типа повелителей молний или природы, а также еще более специализированные – ментаты или та же некромантия, которая легальна в отличие от темных искусств.

Но это в стандартных планах. На практике же часто ситуация складывалась иная. В гимназии Витгефта учили управлять всего тремя базовыми стихиями – Огонь, Воздух и Вода. Навигация одаренных в стихии Земли отсутствовала. Ее адепты в большинстве обучались в Тирасполе, где действовал филиал знаменитого на весь мир екатеринославского Горного института.

Зато в гимназии Витгефта присутствовала кафедра целителей, причем в достаточно широком составе. Практики для адептов в наличии имелось достаточно: гимназисты были частыми гостями у соседей – юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища. Которых – кавалеристов – учили не за страх, а за совесть. Более того, насколько я понял из услышанных сегодня комментариев, ремарка «целитель от Витгефта» в Конфедерации считалась если не знаком качества, то очень хорошей рекомендацией, полезной при выборе дальнейшего учебного заведения.

Мельком слышанные за весь день разговоры одноклассников мне были не особенно интересны и пока не нужны. Тем для раздумий и так хватает. Но и совсем закрыть уши я не мог, нахватался по случаю. И надеюсь – думал я, приближаясь к двери, – что в классе сейчас никого нет, а мне удастся провести спокойно и с пользой оставшееся до встречи с инструктором время. Но, к моему огорчению, аудитория класса не пустовала. Здесь собралось не меньше десяти моих одноклассников, которые что-то бурно обсуждали. Правда, с моим появлением беседа сразу заглохла.

Вежливо и отстраненно кивнув, я прошел в самый угол. Активировал ассистант, но, едва глянув на экран, уже смотрел сквозь текст главного меню, даже не замечая букв. Чужое нарастающее внимание оказалось настолько сильным, что отвлекало, словно щекотка. Подняв глаза, взгляделся в сторону одноклассников. Но все демонстративно делали вид, что у них много самых разных дел. Вот только чужой интерес я чувствовал отчетливо.

Не стесняясь, откинулся на спинку скамьи и одного за другим осмотрел одноклассников. Меня по-прежнему избегали взглядами. При этом эмоции чужого интереса чувствовались все сильнее. Неприятный интерес; не брезгливый, а словно бы болезненный – такой, когда сталкиваешься с желтыми или жареными новостями.

Мда, разобрался с делами – хмыкнул я про себя. Одноклассники между тем принялись обсуждать команду гребцов, так и не обращая на меня внимания. Но в растянутых фразах чувствовалась наигранность, а внимание интереса к моей фигуре никуда не уходило. Да, так каши не сваришь, вздохнул я, собравшись уходить.

Но прежде чем подняться, решил как староста класса сделать общую рассылку с просьбой прислать мне на почту статистику успеваемости по прошлому году. Казалось бы, просьба куда как проста, но для того чтобы не корпеть потом с разрозненными данными, отправляя письма по несколько раз с уточнениями, пришлось наваять стандартную форму в программе, напоминающей наш Офис. Победив таблицы, я отправил образец и запрос всему классу общей рассылкой. Со вторым письмом справился гораздо быстрее – теперь это были таблицы по спортивной и клубной деятельности. Пусть мальчишки и девчонки не расслабляются и сделают. А я потом посмотрю и решу, нужно ли это мне вообще.

Чужое неприятное внимание так и касалось меня, периодически отвлекая, а услышанные обрывки разговоров по-прежнему выглядели натянуто и ненатурально. И если с таблицами запросов я справился, то с важным делом формулировки договора с Анастасией...

Опять при мысли о княжне я споткнулся. И вновь догадка оказалась совсем рядом, казалось, вот-вот, и я ее ухвачу. Но собравшиеся одноклассники мешали своим пристальным вниманием, и, отвлекшись совсем немного, я упустил уже казалось бы пойманную мысль. Едва сдержался, чтобы не выругаться. Ведь теперь как привязчивый мотив – пока не пойму, что за мысль по краю сознания бродит, покоя не будет. Бросив неприязненный взгляд на собравшихся гимназистов, делающих вид, что совсем за мной не наблюдают, вышел из аудитории. Хотел в расстройстве дверью хлопнуть, но не удалось – доводчик помешал.

Покинув здание, направился в парк, где и устроился на резной деревянной скамейке. Открыл ассистант, создал новый документ. Глядя на проекцию чистого листа бумаги, задумался.

Мне не нужен род Юсуповых-Штейнберг. Вернее, мне он нужен, но не ценой риска, который, я подозреваю, сейчас висит надо мной дамокловым мечом. В то же время, отойти в сторону я не могу, поэтому надо создать ситуацию, чтобы я стал значимым лицом в роду. Причем сделать это так, чтобы никто не знал, что я Алексей Петрович Юсупов-Штейнберг по рождению, и так, чтобы у меня была реальная власть. Даже не власть, нет... сопричастность. В таком случае мое загадочное происхождение действительно может помочь барахтающемуся в пене интересов сильных кланов одинокому роду. И ведь еще в плюсе надо остаться...

Сложная задача. Но наверняка выполнимая – думал я, чиркая на виртуальном листе фигурные загогулины, как всегда делаю, когда что-то обдумываю. Постепенно штрихи превращались в локоны, появилась линия плеч, приподнятая девичья грудь и манящие очертания бедер... Так, отвлекся – одернул я сам себя, и расслабившись на пару мгновений, сладко зевнул. Закончив секундный отдых, вернулся вниманием к белому листу со штрихами небрежного рисунка. И, попытавшись сосредоточиться, словно на стеклянную стену налетел.

Уже не сдерживаясь, шепотом выругался. Закрыв проекцию ассистанта, я выдохнул и откинулся назад, прикрыв глаза и сдерживая злость. Потому что вновь, как и в классе, меня

отвлекало пристальное стороннее внимание. Не так сильно, но чужой, направленный на меня интерес чувствовался безошибочно, и намного более... массово, что ли.

Так и не открывая глаз, посидел с минуту. Несмотря на бессонную ночь, усталости не было – я словно в юность вернулся, когда по двое суток мог на ногах проводить, успевая и днем на работе, и ночью на отдыхе. Сейчас же, впрочем, сознательно расслабился и задремал. Буквально на десять минут.

Когда заставил себя проснуться, чужое внимание ощущалось гораздо ярче, концентрированное. Зевнув, прикрыв рот рукой, я открыл глаза и, щурясь от пробивающихся через кроны деревьев лучей вечернего солнца, осмотрелся. Вокруг кучковались гимназисты разных годов обучения, делая вид, что пришли сюда почти случайно. Ага, пятнадцать минут назад здесь ни души не было, а теперь у двух десятков сразу тут дела появились. Спокойно верится. Хотя, чего это я – действительно дела появились. Связанные со мной, потому что именно я сейчас в центре общего направленного внимания.

Еще вчера ничего подобного не было. Минус мне с занесением в личное дело, потому что не подумал об этом недавно в классе. Решил, что интерес ко мне связан с выборной ролью старосты. Брать себя в руки уже надо, чтобы не получилось потом как у Талейрана: «Это хуже, чем преступление, это – ошибка».

Оглядевшись мельком по сторонам, насчитал не менее двух десятков человек. Юноши и девушки самых разных годов обучения разбились по небольшим компаниям. В основном расположились на соседних скамьях и мягкой траве поодаль. Самая крупная группа, не менее пяти человек, двигалась в мою сторону по гравийной дорожке. В этот момент у меня сработала интуиция – я понял, что сейчас что-то случится. Кульминация направленного на меня внимания.

У меня оставалось не больше десятка секунд, пока компания подойдет ко мне. Но бег времени приостановился, и я оказался словно среди подернутого лоскутами мглы пространства. Вновь в состоянии полной собранности мне получилось ускориться, замедляя бег времени. Растянутые мгновения тянулись густой патокой, а я думал о том, что послужило причиной столь заметного ко мне интереса.

Арест Анны Николаевны? Но почему тогда именно я? Нет, здесь что-то другое. Причем очень важное, иначе не стали бы гимназисты кучковаться вокруг меня столь массово. Человек двадцать сейчас точно есть в пределах видимости, плюс еще одноклассники, которые также глядели с интересом, причем скрытым и болезненным. Значит, что-то из трех «С» – скандалы, смерть и секс. Темы, исстари волнующие людей сильнее всего.

Скандал? Легко, если информация о моем происхождении стала явной. Но настолько сильный показательный интерес? Не верится.

Смерть? Можно вспомнить убийства в поезде монорельса, хотя... три убитых жителя протектората совсем не то, что может заинтересовать золотую одаренную молодежь.

Секс? Вот это более вероятно, особенно если вспомнить наш недавний выход в свет с Зоряной. И получается, что вот этот интерес связан с тем, что я гулял по городу в компании бывшей проститутки? Да нет, не особо вариант. Вряд ли моя фигура столь значима, чтобы акцентировать вообще на ней внимание, тем более по этому поводу.

Значит, что-то еще. И что именно, сейчас узнаю – подумал я, вновь возвращаясь в русло обычного течения времени. За те мгновения, что у меня оставались до подхода компании, успел открыть ассистант и многозначительно уставиться в сохраненный рисунок девичьего силуэта. Подходящие все ближе гимназисты вдруг громко засмеялись, как по команде. Смех предназначался явно для меня, при этом в нем чувствовалось некоторое напряжение. Напряженное ожидание, скорее.

– Ахах, вот это каламбур! Да уж действительно, инцест дело семейное... как считаешь, Артур? – проговорил один из гимназистов.

Тип нордический – говорят про таких. Светлые волосы. Не как у меня, с пшеничным желтоватым отливом, а почти белые. Редкие, практически незаметные брови, бесцветные глаза. А нет, не бесцветные – светло-голубой, даже серый магический отсвет. Адепт воздуха, причем довольно слабый.

Я смотрел гимназисту прямо в глаза, не моргая. Но боковым зрением заметил и перстень на пальце, и эмблему на рукаве – щит воздушника, третий курс. Явно совсем недавно прошел инициацию, овладев силой стихии.

Гимназист немного приостановился, потому что взгляда от него я не отрывал. Он же, глядя мне в глаза, ожидал ответа. С толикой легкого беспокойства, но больше с предвкушением – так бывает, когда слабый действует под крылом сильного. И когда понимает, что может себя вести в непривычно широких рамках безнаказанности.

Догадкой сверкнуло, что именно скандал и секс стал причиной интереса. Какой гимназист-воздушник все же молодец! Он нашел всего одну короткую фразу, которая все-все-все мне сразу объяснила: теперь окружающие знают, что я Алексей Петрович Юсупов-Штейнберг, а также наверняка и то, что голую Анастасию забирали утром из моей кровати.

За несколько кратких мгновений в мыслях промелькнула пара вариантов нейтральных ответов и возможных действий. Но кто-то сумрачный и темный шепнул, что хорошего исхода для меня не будет. Смех – оружие часто сильнее огнестрельного, и если я сейчас не сделаю то же, что совсем недавно сотворила на площадке Анастасия, мне будет только хуже. Причем времени на раздумья не оставалось. Еще миг, и белобрысый гимназист насмешливо пожмет плечами, развернется и уйдет, удовлетворившись результатом. Вероятно, найдет еще пару шутеек уже только для друзей, оставив меня обтекать.

– Прости, ты что-то сказал? – сморгнул я, нацепив на лицо приветливо-наивное выражение.

Вопросом поставил гимназиста в тупик. Парень явно ожидал от меня смущения, но никак не подобной реакции.

– Я... – едва-едва замялся белесый воздушник. Мне же этого хватило, чтобы перехватить инициативу.

– Что ты? Сопли не жуй, скажи нормально, – негромко, но уверенно произнес я.

Лицо воздушника моментально покраснело, причем так сильно, что белесые брови стали видны гораздо лучше.

– Тебя манерам не...

– Сколько видел в жизни одаренных, но таких альтернативных в первый раз, – уже повысил я голос, нагло перебивая. – Сформулируешь мысль, приходи снова. Давай, до свидания! – помахал я рукой небрежно, словно крошки стряхивая. И, показательно потеряв на краткий миг интерес, снова вскинулся, не давая гимназисту что-то сказать. Окинув его брезгливым взглядом, я произнес, чтоб уж наверняка: – Хамло... Господи, что за страшный век, какое вокруг было, – на фоне эха прошедшей лекции фон Колера смиренно и очень-очень тихо добавил я, возведя очи к небу. Сказал не для всех, но не настолько тихо, чтобы гимназист-воздушник не услышал.

Неприкрытое хамство вообще выглядит оскорбительно. А если хамить, при этом на голубом глазу еще и нагло обвиняя в этом оппонента, то это сверхоскорбительно-обидно. Но у меня не было другого выбора. Из двух зол, как правило, выбирают меньшее. А иного варианта сохранить хоть как-то лицо и не стать объектом всеобщего смеха я просто за столь короткий срок не нашел.

Гимназист не выдержал. Фразу он еще не сформулировал, но сделал шаг ближе ко мне, глядя со злостью и сжав кулаки. Явно на дуэль хочет вызвать.

– Да иди уже, – снова небрежно махнул я рукой. – По средам не подаю.

Вот так вот дружище – мысленно я даже пожалел совсем немного паренька. Нашел с кем связываться. Я вежливости в колпинских утренних электричках учился.

Несмотря на напряжение момента и всеобщее, направленное на меня усиливающееся внимание, я смог сохранить спокойствие и вернуться к экрану ассистанта. Даже не поменял непринужденную позу, так что по виду получалось, что гимназист-третьекурсник передо мной отчитался, а теперь стоит в ожидании. Ему это очень не понравилось, и он совершил ошибку, которую я ждал: парень резко шагнул вперед, и попробовал заставить меня встать.

Воздушник схватил меня за плечо и собрался рывком дернуть, но я уже вставал сам, словно распрямившаяся тугая пружина. Ускорившись и входя в скольжение, я вбил кулак ему под ребра – селезенку точно порвал. Добавил левой, апперкотом, но сверкнула яркая вспышка, и кулак пронзило острой болью – с запозданием сработала защита гимназиста. Глаза его ярко вспыхнули магическим светом. Он попытался разогнуться, но я ударил еще раз. Причем сделал это интуитивно – хлестко, кошачьей лапой, целясь в глаза.

Кисть в момент удара окутало едва заметной серой пеленой, формирующейся из лоскутов завихрений мрака. Словно в замедленной съемке я наблюдал, как мои пальцы вскрывают и рвут слой защиты на лице воздушника, словно когти толстую полиэтиленовую пленку. Вдруг, почти ослепляя на миг, сверкнуло еще раз; со звонким лопнувшим звуком взвихрилась хрустальным водопадом разбитая защита, а воздушник истошно закричал. Из его лопнувших бровей хлынула кровь, заливая лицо. Он зажмурился, но в рефлекторной попытке защититься вскинул правую руку, кисть которой обуял серый вихрь сияния.

Перехватив юного воздушного мага, я рывком его бросил, укладывая ничком на скамейку. Правая рука парня легла как надо, вдоль двух деревянных перекладин. Мне оставалось только прыгнуть и пяткой вбить ее в зазор рукой. Гимназист закричал. Расстояние между перекладинами скамейки было нешироким, так что сломанные кости и содранная до мяса кожа гарантированы. Опасаясь применения магии, я добавил ему еще раз, ногой в затылок, успокаивая. Затих вроде – прислушался я на миг в полнейшей тишине и спрыгнул со скамейки на землю. Звучно хрустнул гравий под ногами, кто-то громко выдохнул.

Если сейчас развернусь и попробую уйти, мне может прилететь – понял я, глядя в глаза собравшимся гимназистам. Компания, в которой был воздушник, молчаливо напряглась, но пока все замерли в ожидании. Остальные гимназисты вокруг смотрели с восторженным интересом. Все получили желаемое зрелище. Пусть и унижения физического, а не морального, как было сказано в первоначальной программке. Пусть не московское Динамо, а ереванский Ара-рат, и не выиграли, а проиграли – но все равно интересно же.

– Как его зовут? – поинтересовался я безадресно.

– Антон Аверьянов, – ответила одна из девушек поодаль, сидевшая на траве, по-турецки скрестив ноги.

– Какой Антон Аверьянов неуклюжий, – произнес я с искренним сочувствием. – Это же надо так неудачно поскользнуться и упасть, ц-ц-ц... – с сожалением покачав головой, я открыл ассистант и активировал сигнал вызова помощи целителей в меню. Добавил пометку срочности, закрыл проекцию экрана и еще раз оглядел присутствующих.

– Господин Антон Аверьянов думал, что, выполняя роль шакала-подпевалы, он защищен, – заговорил я ровным голосом. – Но он ошибся. Так иногда бывает. Если еще кто-то захочет пошутить надо мной по чужой указке, присылайте сразу вызов на дуэль, дешевле будет. Или будете так же лежать, обмочившись от боли и страха.

Штаны у него сухие, кстати. Но мог же я ошибиться, верно?

Повернувшись к нелепо раскоряченному, вбитому в скамью воздушнику, я поднял его левую руку. Ухоженная белая кисть, которая не знала тяжелой работы. Кольцо на пальце, с пустым серебряным щитом. Сразу снять не получилось, пришлось резко дернуть. Не по размеру, маловато. Хотя может, гимназист пил-гулял вчера, и до сих пор отекий ходит.

Пока снимал перстень, Аверьянов понемногу приходил в себя – начал мычать и пытаться шевелиться. Подумав немного, я сломал ему безымянный палец, с которого только что снял кольцо.

– Эй, уважаемый, – похлопал я взывшего гимназиста, который от боли окончательно пришел в себя. – За перстнем своим хозяина пришлешь, который тебе команду дал в мою сторону полаять. Пока ребят, не болейте, – выпрямился я и, оглядев собравшихся рядом юношей и девушек, развернулся.

Уходя, чувствовал на себе жгущие взгляды спутников воздушника. И понимал, что сейчас иду по краю. Со всеми не факт, что справлюсь. Но первого, кто решился бы взять на себя ответственность и нарушить правила гимназии, не нашлось. Ушел я беспрепятственно. Пришлось только в сторонку отойти почти сразу, когда по неширокой дорожке пробежало сразу три гимназистки-целительницы.

Дошел по тенистым аллеям до другого конца парка, присел на скамейку уже здесь. Пока шагал, обдумывал произошедшее. Вроде со всех сторон поступил правильно.

Белесый воздушник сказал мне: «...инцест дело семейное». Если бы я промедлил с реакцией, стал бы объектом прямых насмешек, а каждому смеющемуся вызов на дуэль не кинешь. Тем более за что – за фразу про инцест? «А почему эта фраза для вас оскорбительна, Артур Сергеевич?»

Сейчас, когда гимназист-воздушник случайно поскользнулся и упал на скамейку, теперь уже он в невыгодной позиции. Не представившись, пристал ко мне с глупой фразой. Когда я попросил его меня не отвлекать, попытался применить физическую силу. Конечно, я испугался. А что было дальше, не помню. Особенно когда господин гимназист активировал магические способности, я очень сильно испугался и вообще не понял, что произошло потом, господин учитель. Как-то так.

Тем более он будет выглядеть глупо, если хватит ума заявить о том, что он не сам поскользнулся, а я его в скамейку вбил. Тогда придется сначала объяснить, зачем он вообще ко мне обратился и что именно сказал. Если ко мне и будут претензии какие-либо по хамоватому ответу, то это не страшно. Проустите – с английским выговором, – я недауно в Мать-Россия, не знал, что «жеуать соупли» оскоурбление, готоу принести искренние извинения.

Спокойно обдумав произошедшее со всех сторон, я вдруг вспомнил о трофее в кармане. Когда доставал, ощутил весьма необычный эффект – кольцо слегка отталкивалось от кожи, словно моя рука была магнитом, повернутым к печатке одинаковым полюсом. Проверая неожиданную догадку, я раскрыл ладонь, и перстень чуть воспарил над кожей.

Интересно. Оставшийся у меня перстень убитого Сергея, жизнь которого послужила материалом для слепка души на мне, был мертв. Этот же наполнен энергией, причем мне совсем не близкой. Продолжая внимательно вглядываться в перстень, я увидел на печатке проявляющийся герб: на голубом фоне серебряная стена с тремя башнями, над стеной длань из облака с серебряным же мечом.

Я видел этот родовой знак на занятиях с фон Колером. Это герб одного из национальных кланов. Но точно не Разумовские и не Юсуповы. Названия не запомнил, потому что я не дворянский или боярский сын, для меня гербовая азбука пока темный лес, в отличие от. Еще и помощника личного терминала с доступной в любой момент справочной информацией нет.

Хотя... может, достать и пользоваться в поместье? Зачем придумывать себе трудности и героически их преодолевать, если гору можно обойти? – поинтересовался я сам у себя. Учитывая, что кроме школы у меня сейчас будут еще проблемы с родом Юсуповых-Штейнберг, без личного терминала мне будет непросто.

Решено – надо брать, сегодня же озадачу Планшета. Отсутствие знаний сужает кругозор и ворует время, так что личный, пусть даже левый терминал лишним не будет. Не все же Мустафу дергать по каждому пустяковому вопросу.

Бросив короткий взгляд на перстень, я убрал его в карман. Прекрасно, одним противником больше. Весь мир против меня – патетически вздохнул я, и вдруг вспомнил. Мысль, которая не давала покоя мне совсем недавно, пришла, когда не ждали. Казавшиеся важными догадки, которые я совсем недавно пытался поймать за хвост, испытывая самые настоящие муки томления неразгаданной загадки при мыслях об Анастасии, оказались просты до безобразия. Белокожая княжна, с иссиня-черными волосами, просто своим образом напоминает мне каноничную Белоснежку из сказки.

«Поздравляю, Артур Сергеевич, одной проблемой меньше», – сообщил мне внутренний голос.

– Спасибо, дорогой, – вслух ответил я, возвращаясь к ассистенту.

Следующие два часа мне никто не помешал обдумывать ситуацию, в которую я попал и набрасывать план договора с Анастасией. Додумался до того, что голова загудела от напряжения, но примерный костяк мыслей и идей сформировал. Примерный, и пока сырой – но даже не переживал по этому поводу. Сегодня с княжной мы точно не договоримся, потому что не мандарин ведь планируем делить. Кроме того, появилась немаловажная тема для беседы – слив информации о завещании и об утреннем вояже Анастасии. Это наверняка, потому что иначе шутки про инцест бы не было.

Сигнал оповещения ассистанта прозвучал неожиданно. Очень уж погрузился в планы. Я поднялся и, периодически сверяясь с навигатором, направился к малому полигону. Который представлял из себя подземный бункер, причем немалых размеров. Здание, сравнимое по площади со стадионом-двадцатитысячником, только накрытое сферой бетонной крыши, засаженной газонами и даже небольшими деревьями.

Черт, дел и так много, и эта еще встреча с инструктором так не в тему. Надеюсь, все по-быстрому сейчас закончится, и я в поместье Юсуповых-Штейнберг наконец поеду. Ну не больше часа еще потеряю, по идее. С фон Колером вообще меньше чем в полчаса уложились.

Миновав пустынный холл, по маркеру указателя ассистанта дошел до лифта и спустился на минус третий этаж. Прошел по длинному коридору без единой двери и оказался в приличных размеров помещении. Здесь вдоль стены находился с десятков оружейных шкафов, чуть поодаль стойка тира, за которой в полутьме стрелковой галереи видны ростовые фигуры мишеней. Кроме этого, в одной из стен тяжелые механические роллеты закрывали широкий проход, сравнимый размерами с воротами гаража.

Как только прикрыл за собой дверь, оказался в перекрестье взглядов. Модест и Эльвира сидели на скамейке, большеглазая Надежда подпирала стенку поодаль. Но стоило мне войти, подняла на меня взгляд. Знают – понял я по выражению лиц. Не факт, что уже слышали о стычке с Аверьяновым, но вот о моем роде и слухах обо мне и Анастасии точно в курсе. Но никто мне ничего не сказал, более того – даже осуждения или излишнего внимания не выказал даже взглядом. Я немного расслабился и спокойно прошел к незанятой скамье в пустом углу.

Чуть погодя появился Илья, который походкой чем-то напоминал медведя, только в миниатюре. На меня даже он и взгляда не кинул. Молча присел рядом и вроде как задремал. Модест и Эльвира все это время негромко разговаривали, тактично снизив голос почти до шепота. Колоритная парочка. Темноглазый Модест худощавый и весь настолько аристократический, что кажется порезаться о него можно. Эльвира, со своей толстой русой косой на плечах, кажется рядом с ним большой и сильной, хотя на самом деле довольно стройная. И глаза ее, прозрачно-льдисто-голубые, как... как у меня – вспомнил я свое отражение в зеркале. Мда, к новой физической оболочке еще не совсем привык. Раньше, в прошлой жизни, часто забывал, сколько мне лет, сейчас вот на новый уровень вышел.

Между тем до назначенного времени, шести часов вечера, оставались считанные минуты, но ни Валеры, ни инструктора еще не было. Валера появился за три секунды до того, как на часах над стойкой тира высветилось «18:00». Зайдя, он осмотрелся – словно сытый кот, отжав-

ший где-то сметану. Впрочем, почти сразу нахмурился, не найдя взглядом инструктора. Лицо его приняло удивленное выражение, и он многозначительно почесал затылок. Потом посмотрел на часы, огляделся. Ну да, облом такой – держать судьбу за хвост, вписавшись в секунды, и все зря. Взгляд Валеры вдруг уперся в меня, и он расплылся в улыбке, продемонстрировав большой палец вверх.

– А ты вообще кабальеро без страха и упрека! У вас в роду все такие? – склонил голову Валера. И еще раз улыбнулся. По-особенному широко, демонстрируя все зубы – как безумный ирландец в фильме Храброе Сердце.

Скрестив руки на груди, я устроился поудобнее и картинно закатил глаза, показывая, как мне дорого мнение Валеры. Он в ответ издал губами пренебрежительный дребезжащий звук и потерял ко мне всякий интерес.

Когда часы показывали 18:02, я вспомнил о том, что в общем-то не спал уже почти сорок часов. И хотя молодой организм сильно не возмущался по этому поводу, удобная скамья и нахождение в тепле меня слегка разморили. В 18:10 я принялся медленно моргать, а чуть погодя и вовсе сел поудобнее и сладко задремал.

Разбудил меня громкий звук открытой двери. Инструктор Андре зашел в помещение быстро, широким шагом, но при этом двигаясь по-особенному неторопливо, как 747-й Боинг на взлете.

Господин Смирнофф был в песочной полевой форме гимназии с усиливающими вставками на одежде, высоких шнурованных ботинках и разгрузке с многочисленными подсумками. Взгляд притягивали глазные импланты, но цвет не рассмотреть – скрыт за желтизной эргономичных стрелковых очков.

Поднимаясь с места, я мельком бросил взгляд на часы. 18:27. Пунктуальный у нас инструктор, ничего не скажешь. И вежливый – понял я, когда Андре резким нетерпеливым жестом показал нам подняться и подойти ближе.

Модест и Эльвира оказались рядом с ним первыми. Порхнула вперед Надежда, через мгновение в неровную шеренгу шагнули мы с крепышом Ильей. Андре скользнул по нам всем взглядом, после посмотрел куда-то над моим плечом.

– Валера! – сказал Андре, словно плюнул. – Ну ты и тормоз... давай, соточку раз землю толкни руками, чтобы в себя прийти.

Несколько мгновений ожидания. И интереса – я вот точно находился в предвкушении, заартачится Валера или нет. Удивительно, но нет. Видимо, он, где стоял, там и упал, начав отжиматься. В полной тишине слышались звуки рывков, шелест одежды и шум дыхания.

Наш вежливый и пунктуальный инструктор даже отошел, чтобы лучше наблюдать за парнем, и, склонив голову, принялся смотреть, как он отжимается.

– Валера, дорогой, – с неприятной улыбкой произнес Андре. – Какая странная ситуация, правда? У тебя опция «нажаловаться папеньке» сейчас отсутствует, зато у меня она есть. При чем нажаловаться твоему же папеньке. Скажи, тебе не обидно?

Миг полнейшей тишины – Валера, выпрямившись в планке, замер.

– Обидно, – произнес он и принялся отжиматься дальше.

– Красавчик! – вновь широко улыбнулся Андре и посмотрел на нас: – Люблю честность.

Следующие полминуты прошли в молчании. Все ждали, пока Валера закончит отжиматься. Когда он рывком поднялся и встал рядом со мной, Андре вдруг отвлекся на свой ассистант и, развернув проекцию планшета, отошел. Несколько минут он показательно небрежно – одним пальцем, словно неопытный пенсионер перед компьютером – тыкал в меню, после чего наконец закончил и повернулся к нам. Подойдя ближе, Андре сцепил руки за спиной и осмотрел всех нас поочередно.

– Вы мне не нравитесь. Я вам уже не нравлюсь тоже. И это отлично, потому что теперь мы в равных условиях, – вновь неприятно улыбнулся Андре. – Еще три дня назад я пил пиво на

пляжах Начанга и даже не думал о том, что мне придется лететь на другой край мира, оставив дом и своих женщин. Поэтому я вас видеть не рад, и мне хоть как-то помогает то, что вы сейчас начали разделять мои чувства.

Мне надо научить вас хорошо стрелять в других. При этом попадать так, чтобы они умерли, а вы при этом остались живы. У меня контракт, и я это сделаю. Нравятся мои методы кому, не нравятся – мне все равно, я художник не местный, напишу и уеду. Это ясно? Ясно, отлично, – покивал наш невежливый инструктор. – Теперь к делу, почему я. Потому что я лучший. Из худших, – добавил почти сразу Андре, чуть хохотнув.

Успокоил немного последней фразой. Да, с присвистом немного, но кто тут без своих тараканов. Главное, чтоб учил хорошо.

– Почему я – понятно. Почему вы... не знаю. Может быть из-за тебя, – кивнул Андре на Валеру. – А может быть из-за тебя, – дернул он подбородком в сторону Эльвиры.

Походив немного туда-сюда мимо нас, Андре помолчал.

– Вы все одержимые... ну, кроме тебя, – кивнул инструктор в сторону Валеры, – поэтому допуск к информации у вас высокий. И этой информации я вам принес.

В декабре в мире стартуют несколько национальных турниров. Это будет аналог кровавого спорта, о котором вы, несомненно, знаете. А кто-то даже... Артур! – повернулся ко мне Андре. Встретившись со мной глазами, инструктор интернациональным жестом похлопал по не до конца сжатому кулаку открытой ладонью, демонстрируя аналог отображения безоговорочной победы.

– Красавчик, как Клаву уработал, я три раза пересматривал, – уважительно покивал Андре, поджав губу, но почти сразу принял прежний недовольный вид, возвращаясь к рассказу: – Это будет почти стандартная Арена, только в новых локациях. Есть лишь примерные описания, точные планы площадок будут доступны за несколько дней до начала боев. Турниры будут проводиться в России за приз принца Ольденбургского, в Шотландии за Кубок лорда Стенли, а в Австрии состоится турнир имени Вольфганга Амадея Моцарта. Команды составлены как из курсантов военных училищ, так и гимназий для одаренных Европейского союза, Конфедерации, Британии. Победители, по несколько команд, весной поедут в Италию, где состоится международный турнир на приз Первого гонфалоньера справедливости герцога Алессандро Медичи.

Для обычных участников ограничение возраста – до двадцати лет. Среди одаренных будут команды инициированных магов, также с цензом двадцати лет, а также отдельно команды вашего выпускного года, без инициированного источника.

– Господин Андре... – негромко, но уверенно обратилась к нему Надежда.

– Просто Андре, – резко прервал ее инструктор. – Ты можешь называть меня Хефе.

– Андре, все команды в общей сетке? – переспросила Надежда.

– На групповом этапе будет разделение по возрастному цензу. В финальной сетке матчи смешанные.

Очень интересно. Команды из курсантов – практически готовых офицеров, команды уже опытных магов и едва достигшие первого совершеннолетия гимназисты выпускного года, которые толком ни стрелять не умеют, ни стихиями повелевать.

– Соревнования между командами будут проходить в виде командных схваток с использованием как оружия, так и стихии. Стандартная защита – гвардейские доспехи шестого поколения.

Ясно теперь, почему маги до двадцати лет. После второго совершеннолетия, после двадцати одного года, одаренные входят в свою настоящую силу. Против двадцатилетних магов гвардейские доспехи все же более-менее гарантируют защиту – при условии наличия рядом лекаря и без таких неприятных моментов, как фокус по ассисту пять в одного.

– Стрелковое вооружение... – продолжал между тем Андре, – прошлый век, что гарантирует минимальный уровень травматизма. Все поединки будут проводиться без дополненной реальности и даже без тактической сети. Связь – только голосом. Состав команды – шесть человек, формат матча трехраундовый. Это ясно?

– В общих чертах да. Но осталось много вопросов... – заговорила своим чарующим глубоким голосом Эльвира.

– Не сегодня и не сейчас. На любой уточняющий вопрос я легко могу дать ответ, но не могу быть уверен в его соответствии с реальностью. Чтобы вы понимали – даже одна встреча двух чинуш губернаторского уровня разных стран часто согласовывается месяцами, а тут сразу три национальных турнира и один международный прилетели из ниоткуда. Причем об этих ивентах не слышал никто еще месяц назад, даже на уровне слухов. Времени у нас много, и все, что нужно, мы обязательно узнаем. Сейчас же вы просто должны научиться хорошо стрелять. Поэтому приступим к работе.

Отвернувшись, Андре пошагал к оружейным шкафам и приложил ладонь к специальному идентификационному кругу. После подтверждения личности он раскрыл несколько металлических дверей. На длинный широкий стол один за других легло с десятков автоматов и пистолет-пулеметов. В этот момент я невольно засмотрелся на Андре. Если до этого вся его мимика и пластика движений говорили о том, что ему некомфортно в нашем обществе, и он только думает, чтобы поскорее закончить, то сейчас словно другим человеком стал. Ровные плавные движения, никакой суеты и истеричной раздражительности – словно при касании оружия обрел внутреннюю гармонию.

Обернувшись, Андре широким жестом показал нам подойти. Посмотрев на большеглазую миниатюрную Надю, он склонил голову в раздумьях. После поманил ее еще ближе и внимательно потрогал руки девушки, щупая бицепсы. Обернувшись к куче оружия, он выудил оттуда пистолет-пулемет, на первый взгляд почти не отличающийся от немецкого Хеклера МП-5. Непривычно для меня выглядели интегрированный глушитель и расцветка – не стандартный черный, а серо-болотный фельдграу.

– Чуть позже еще болт получишь, не расслабляйся, – произнес Андре, похлопав Надю по плечу и сразу про нее забыл, обернувшись к остальным. Недолгое раздумье, и каждый получил по АК-55. Прежде чем выдать автомат мне, Андре также ненадолго задумался. Но все же менять ничего не стал.

Взяв автомат в руки, я в первый раз внимательно всмотрелся в образец деятельности оружейника Калашникова из этого мира. При всей своей схожести со знакомым оружием этот автомат был совершенно чужд моему миру. Разглядывая легко узнаваемое и в то же время до отторжения непривычное оружие, я вдруг наконец полностью осознал, что все, я больше не дома. Даже руки чуть задрожали.

Андре, выдав каждому по автомату, вернулся к Надежде. Я краем глаза видел, как он устроил девушке экспресс-тест: сначала заставил произвести неполную сборку-разборку, потом освободил из-под патронов небольшую коробку и кидал ее на пол, заставляя девушку имитировать стрельбу навскидку, целясь сразу двумя глазами, а после проверять себя.

Я в это время практически не обращал внимания на происходящее вокруг, рассматривая АК в руках. Полностью привычная форма, но в то же время абсолютно непривычные детали исполнения. Я держал сейчас в руках изделие, по качеству исполнения не отличающееся от хороших швейцарских часов. Идеальная подгонка деталей, безукоризненное качество исполнения. Этот автомат был выпущен в середине прошлого века, но по качеству ничем не отличался от оружия, которое делают в моем мире в веке двадцать первом. Это был хороший и дорогой инструмент, который всем своим видом показывал мне отличия этого мира от моего, родного.

Здесь не было Второй мировой, и появление одаренных словно откинуло военное ремесло на уровень раннего Средневековья, когда сила армии определялась количеством рыцарей, а крестьянское ополчение присутствовало в роли второстепенной массовки.

Появление одаренных кардинально поменяло военное искусство, и после Первой мировой здесь, в этом мире, такое понятие, как общевойсковой бой, не имело столь серьезного значения, как у нас. Армии больших батальонов слабо обученных солдат здесь совершенно не котировались, не в силах ничего серьезно противопоставить одаренным, кроме количественного перевеса. Война здесь, учитывая повсеместные локальные конфликты, вновь – опять же, как и в Средневековье – стала делом профессионалов.

Двадцатый век этого мира, уценивший жителей третьего мира до роли экологического фактора на обитаемых территориях, при этом возвел в абсолют ценность жизней граждан первого мира. И воевали в профессиональных армиях здесь мужчины, для которых убивать – ремесло. Отправка на войну наскоро обученных семнадцатилетних юношей в этом мире вызвало бы не только неприятие общества, но и уголовное преследование. В отличие от нашего мира, где служба в армии чужого государства за деньги – наказуема во многих странах, а отправка необученных призывников на войну еще совсем недавно воспринималась как должное.

Способности одаренных были настолько сильны, что обычный, выученный на скорую руку стрелять в определенном направлении боец ничем не отличался по эффективности боевого применения от крестьянина с вилами перед закованным в сталь рыцарем. И поэтому уровень подготовки даже рядовых бойцов здесь был несоизмеримо выше, чем в моем мире. Даже без учета использования имплантов, которое массово началось в восьмидесятых годах.

В этом мире, из-за отсутствия доктрины больших батальонов плюсы автомата Калашникова – простота в использовании и производстве – основоопределяющей роли не играли. Кроме этого, локальных конфликтов было великое множество, гораздо больше, чем у нас. Из-за этого и военные ведомства более гибко относились к реформам. Ведь только противник может убедить генералов в ошибочности военной доктрины. Кроме этого, не было стопора в виде фактора промышленности, потому что отсутствовал запрос на немыслимые объемы производства, как в моем мире.

Так что здесь прогресс двигался вперед гораздо быстрее. И сейчас я держал в руках не надежный и неприхотливый автомат, а качественное и весьма дорогое оружие. Выдвижной телескопический приклад, тактическая рукоятка, крепления на ствольной коробке; предохранитель с мягким и плавным ходом, удобно расположенный под большим пальцем. Три режима огня – одиночные, отсечка по три, автоматический. Магазин пластиковый, полупрозрачный – так, что можно легко контролировать расход патронов.

Да, до этого я держал в руках предназначенный для корпоармий АК-68, выходил на Арену – в памяти Олега – с самым совершенным оружием разных стран. Оружием, технологически значительно превышающим уровень развития моего мира. Но это было современное оружие, а тот автомат, что сейчас держу в руках, сделан более чем полвека назад.

Пока я рассматривал АК, Андре за это время уже протестировал остальных членов моей новой команды. Удовлетворился он или нет, я даже не обратил внимания – полностью поглощенный оружием в руках. Меня, кстати, инструктор не тронул. Видел, что представляю из себя на ивенте в протекторате – мельком подумал я, возвращаясь из раздумий в реальный мир.

Андре уже убрал лишние стволы обратно в оружейные шкафы и достал несколько пачек патронов для Хеклера. Со стуком положив их рядом с Надеждой, вновь обернулся и в этот раз уже вывалил гору патронных пачек для АК. Надорвав сразу четыре, он небрежно бросил их перед нами. Так, что с сытым звуком сразу с десятков патронов покатилося по столешнице, поблескивая латуnią. После третьего захода к шкафу Андре вывалил на стол горку пустых магазинов.

– У вас две минуты! – вдруг громко произнес Андре.

Целых две секунды я потерял, осмысливая услышанное. Может, они превратились бы в три или даже четыре, но одновременно Валера, Модест и Эльвира рванулись к столу, хватая пустые магазины. Я торопливо последовал их примеру, и здесь меня ждала небольшая подставка. Олег никогда самостоятельно не набивал магазины; я же памятью рефлексов помнил, а вот руки нет. Так что норматив я бы и на хорошо не факт, что сдал. Кроме этого, патроны не были рассыпаны по столу, пачки приходилось рвать, так что по истечении двух минут у меня было всего три целиком набитых магазина.

Хлопком по столу Андре остановил процесс и неодобрительным покачиваем головы оценил результаты. По три магазина было у всех, даже у явно неопытной Надежды. Вот только у нее было два полных и один неполный, у остальных – по три полных и четвертому неполному.

– Вместо ознакомительного занятия я хочу посмотреть, как вы поведете себя в неординарной ситуации, – усмехнулся Андре. Подмигнув нам, он пошел к стене, закрытой тяжелым металлическим роллетом, и потянул за цепь, поднимая ворота едва наполовину.

– На выход, быстро, быстро! – повысил он голос. Подхватив оружие и снаряженные магазины, мы один за другим, пригибаясь, нырнули в открывшийся проем. Последним прошел я – стоял от роллета дальше всех и просто не полез вперед, расталкивая остальных. Напрягся даже, ожидая подвоха от инструктора, но, удивительно, все обошлось.

– Увидимся наверху, – крикнул нам на прощанье Андре. – Если увидимся, – добавил он с предвкушением, и секундой позже, загремев, роллет опустился. Вдруг снова раздался равномерный лязг перебираемой цепи, и рухнувший было роллет потянулся рывками вверх. В этот раз проход открылся даже повыше – ровно настолько, чтобы Андре смог на нас взглянуть, не нагибаясь.

– У вас же у всех слепки душ есть? – заботливо поинтересовался Андре.

Никто ему не ответил, и инструктор, подмигнув нам, отпустил цепь, так что роллет упал вниз с грохотом. Теперь точно все, пока-пока, отвернулся я от недавно открытого прохода.

Оглядевшись по сторонам, я торопливо рассовал по карманам пиджака магазины. После перехватил оружие и осмотрелся уже пристальнее. Мы оказались в небольшой, играющей роль шлюза комнате без окон и с тусклым освещением.

Илья и Модест позволили себе негромкие высказывания в адрес методов нашего нового инструктора. Что именно оба пробурчали, я не расслышал, но по интонациям смысл прекрасно понял.

– Да он в голову раненый, – негромко сказал и я, присоединяясь.

– Ага, – неожиданно согласился со мной Валера, – отец рассказывал, что Андре как-то полчерепа практически снесло. Когда выжил, все сильно удивились.

Мда. Печальная история – подумал я про себя. Остальные после слов Валеры тоже притихли в напряжении. Еще несколько долгих секунд, и роллет напротив с лязгом пополз вверх, открывая нам путь. Резкий стук, и поднимающиеся автоматические ворота замерли в самом верхнем положении.

Я всмотрелся вперед. Освещенное помещение, серый голый бетон и бело-желтая краска на столбах. Точь-в-точь подземная стоянка крупного торгового центра. Пройдя несколько шагов вперед, я вгляделся внимательно, выглядывая в проем. Ну да, стоянка – чуть поодаль несколько машин стоит. Только вот они уже точно никуда не уедут. Напоминают по виду старую бронетехнику, давно использующуюся как мишени на полигоне.

На блестящем гладком полу то тут, то там выщербленные следы от взрывов и въевшиеся пятна гари. Но никакого мусора. Словно здесь убираются тщательно. Даже из-под разбитых машин все выметено. И краска на столбах яркая – совсем недавно красили.

Карта Молл – всплыло в памяти воспоминание Олега. Площадка Арены для командных схваток или смертельных матчей. Для поединков формата королевской битвы не предусмот-

рена, как локация для сражения пять на пять также практически не использовалась. В основном здесь проходили вводные тренировочные миссии или масштабные ивенты, в которых Олег обычно участия не принимал. Ни рейтинга, ни заработка, а фан – совсем не то, для чего он участвовал в боях на виртуальной Арене. Мы же сейчас на площадке реальной, скопированной из локации виртуальной... или это реальные площадки скопированы в виртуальный мир Арены? Не суть важно. Главное, что нам сейчас будут противостоять настоящие противники. И последний вопрос Андре, про наличие слепков душ, меня совсем не порадовал.

Глава 3

На подземной парковке стояла гнетущая тишина. Было так тихо, что я слышал дыхание стоящей ко мне ближе всех Надежды.

Мы находились среди пустынного островка серого бетона – вокруг нас только одни колонны. Чуть дальше по сторонам виднелись разбитые и многократно простреленные машины. В полутьме впереди я, присмотревшись, заметил темнеющие очертания стен своеобразного колодца, предназначенного для подъема на этаж выше, в торговую зону. Стекол в автоматических дверях уже давно не было, остался только каркасный остов, а за ним виднелись навсегда остановившиеся широкие дорожки траволаторов.

Этот, расположенный ближе к нам, выход наверх был не единственным. Можно было подняться еще по пожарным лестницам, но они находились совсем в дальнем конце зала. Его не видно даже отсюда – освещение там скудное. Чем дальше, тем меньше ламп, а некоторые еще и мерцают, больше мешая, чем освещая.

Постояли немного, переглядываясь. После, также в молчании, двинулись вперед. Совершенно естественно при этом разделились на пары. Мы шли вместе с Валерой, контролируя левую сторону, Модест с Эльвирой взяли правые сектора. Ясноглазая Надежда шагала рядом с чуть отставшим Ильей, сжимая пистолет-пулемет. Стрелок она, судя по всему, никакой. И практики у нее явно было очень мало. Но точно была, потому что любой правильно воспитываемый аристократ к семнадцати годам умеет стрелять из оружия всего списка дуального кодекса, равно как и шпагу с саблей держать.

Неожиданно Эльвира резко вскинула руку, и вся группа замерла. Наша валькирия явно что-то услышала или увидела – внимательно, с напряженным прищуром всматриваясь в глубину парковки, где собралось значительное количество разбитых машин. Прислушавшись, я тоже услышал. Редкое, неравномерное цоканье – словно крадется кто-то со скрежетом когтей. Я кожей почувствовал, как напряглись мои спутники.

Движение слышалось справа, и мы все внимательно вглядывались в ту сторону.

– Вот оно! – едва слышно выдохнул Модест, когда между двумя машинами мелькнуло движение.

– Тихо! – громким шепотом осадил его Валера.

Правильно, лишнее восклицание было. Все и так заметили. И рассмотрели: это был не человек, точно. Мощная черная тварь, размерами и манерой двигаться похожая на гориллу. Только более поджарая, быстрая. И что самое печальное – в памяти Олега ничего подобного не было. Не появлялись подобные существа на Арене, виртуальной и реальной. Значит, сюрприз от Андре.

Цок-цок-цок. Цок-цок-цок. Цок-цок.

Странное опасное существо осознало, что его заметили, и теперь уже не слишком скрывалось, плавно перетекая среди остовов машин, при этом не появляясь в зоне видимости.

Выстрелы раздались одновременно. Короткими отсечками стреляли Эльвира и Валера, а вот Модест ввалил длинную очередь на полмагазина. Засверкали дульные вспышки, яркие в полутьме подвала, запахло порохом, загремело возвращающимся эхом выстрелов. Заскрежело железо – пули били в корпус машин, добавляя еще дырок к имеющимся, звонким дождем посыпались на бетонный пол гильзы.

Кто-то из троих точно попал. Тварь появилась в зоне видимости больше чем на секунду и утробно взвыла, когда пули ударили ей в бок. Вскинув автомат, я прицелился в пустое пространство между двумя машинами, как вдруг между лопаток словно морозным воздухом повеяло. Это не было ощущение чужого внимания. Банальное предчувствие, первобытное звериное чутье; наверное, это даже можно было назвать шестым чувством.

Резко обернувшись, увидел, что со спины к нам стремится стая собак. Псы бежали молча и стремительно, даже без рычания и лая. Приземистые, короткошерстые звери с лобастыми головами и – присмотрелся я – красными глазами. Мда, собачки... адские гончие, скорее.

Начал стрелять сразу же – первая атакующая тварь словно натолкнулась на невидимую преграду и кувырнулась через голову, покотившись по полу. Второй пули попали в плечо под углом, заставив упасть и проехаться на ставших непослушными лапах. Третья гончая попыталась перепрыгнуть упавшую, но ее отбросило в полете – попадания ей в грудь как кувалдой ударили.

Пули их убивают, хоть это хорошо – мелькнула у меня с облегчением краткая мысль, как тут вдруг понял, что не успеваю убить всех. Почему остальные не стреляют?! – успел было подумать. Сразу получил ответ – загрели выстрелы и заскрежетало пробиваемое пулями железо машин за моей спиной. Отвлекая нас от гончих тварь также бросилась в атаку. Мне было не до этого – стая оказалась совсем рядом. Всадив в ближайшую оскаленную морду очередь почти в упор, я отскочил в сторону, уходя от острых зубов. Восприятие происходящего для меня вновь замедлилось. Как в раскадровке я сумел заметить свисающую с челюсти нитку тягучей желтоватой слюны. Почти сразу оказался среди мешанины шерсти, утробного рычания и приземистых тел, которые пытались вцепиться мне в ноги.

Одна из гончих рванулась вперед, в прыжке нацелившись в бедро, и я машинально врезал ей ногой под брюхо. Почти сразу же рванул в сторону – вовремя, только мелькнули клацнувшие зубы перед лицом. Сразу после я успел поднять руку, и одна из собак вместо лица вцепилась мне в запястье, сжимая челюсти, словно тиски. Отпустив цевье и выругавшись от острой боли, я одной правой направил автомат твари в брюхо, приподнимая гончую укушенной левой, и нажал на спуск. Пули выбили внутренности и фонтаны крови из вытянувшегося в воздухе тела, а я вырвал из пасти руку вместе с тканью пиджака. Направил автомат себе под ноги, вбив ствол на мгновение в гибкую спину рядом, и нажал на спуск. И ничего – патроны кончились.

– Пры... жок! – громко заорал Валера и практически сразу всадил длинную очередь мне под ноги.

Неожиданно, когда тебе стреляют прямо в колени с трех метров – но я успел среагировать, невероятным прыжком взлетев в воздух. Кажется, я успел еще и победить гравитацию, ненадолго зависнув в воздухе. Длинная очередь косой прошла по тварям, откинув сразу нескольких в мешанине ключев шерсти и крови. Когда я приземлился, оставшихся добила Эльвира.

«Ты нормальный?» – так прозвучал мой вопрос Валере, если перевести на приличный русский.

– Ой все, что ты, нежный, как девочка? – весело отмахнулся он.

Я только зубами зло скрипнул, но запомнил и торопливо посмотрел по сторонам. Покусан был не только я. Модест прижимал ладонь к нижней челюсти, зажимая рваную рану; хорошо просто кожу со скулы содрали, а не кусок из горла вырван – мельком подумал я. Несколько трупов гончих валялось рядом с Ильей. Тело отвлекшей нас крупной твари, поводоря, как я назвал его про себя, лежало вдалеке темной грудой. Но стоило мне только к нему присмотреться, как очертания лежащего существа подернулись дымкой, воздух заколыхался, словно от жара, а после и вовсе туша истончилось, исчезая среди взвихрившихся темных всполохов.

Я видел уже такое однажды – когда меня воскрешали в посольстве Конфедерации. Значит атаковавшие нас твари работа кого-то из одержимых – посмотрел я под ноги, разглядывая трупы гончих. Кровь у них черная, густая и маслянистого цвета – как сырая нефть. А глаза после смерти гасли, превращаясь в темные провалы.

Дело рук фон Колера скорее всего, больше некому – подумал я. Но подумал краем, рассматривая свои повреждения. Тянуло пульсирующей болью руку, саднили ноги. Несколько раз

меня чувствительно куснули. Глянув в прорехи штанин, только чертыхнулся негромко. Глубокие дырки от зубов, кровь течет.

Жить, впрочем, буду. Неплохо бы, конечно, перевязать – подумал я, пытаюсь достать из кармана пиджака зацепившийся за ткань магазин. Не получалось, так что я резко рванул так, что карман остался вывернутым, быстро поменял. Со стороны ведущих наверх дверей в этот момент раздался громкий металлический скрежет и бухающий звук шагов.

– Бежим-бежим-бежим! – договаривал Валера уже на ходу, рванувшись вперед и по широкой дуге огибая стену колодца с траволаторами.

Все побежали следом сразу, без раздумий. Краем глаза я в последний момент успел заметить спускающийся по дорожке вниз странный и несуразный механизм, который только показался на виду. Это странное нечто походило на шагающего робота. Как вставший на ноги трансформер из мультика, превратившийся из танка в человекоподобную конструкцию. Только трансформер в миниатюре – ростом шагающий механизм был метра два с половиной, не выше. Серо-зеленый окрас, косые броневые листы, интегрированные в руки-клешни крупнокалиберные пулеметы.

Тупиковый путь развития шагающей бронетехники, который за неэффективностью практически прикрыли. Но совсем не забыли. Подобные модернизированные машины использовались в совсем глухих краях по типу Центральной Африки или Юго-Восточной Азии. Только там на службе стояли механизмы быстро бегающие и хорошо соображающие, перед нами же была одна из старых болванок середины прошлого века, не отличающаяся грацией и серьезной опасностью.

Словно отвечая на мои мысли, гулко загрохотало. Несравнимо с тем, как звучали выстрелы наших автоматов. Короткая очередь из крупнокалиберного пулемета прошла мимо, насквозь пробив и сорвав с места сразу несколько остовов машин. Один из столбов брызнул крошкой, и от него откололся внушительный кусок бетона. Мда, про несерьезную опасность я немного поторопился – из такого пулемета конвертопланы сбивать можно. Главное в сектор обстрела не попасть. Мех медлительный, и это единственное наше спасение.

Отбежав за угол, скрываясь из зоны видимости через остатки дверей, мы, почти не сговариваясь, остановились. Сейчас смертоносная машина спустится и зайдет за угол. Максимальная скорость этого меха сравнима со скоростью быстро идущего человека, так что мы можем – когда он выйдет и начнет нас преследовать – банально оббежать вокруг колодца и, успев к выходу раньше, выбраться наверх. Видимо, эта мысль пришла в голову не только мне, потому что вся наша команда остановилась, вслушиваясь в лязгающие звуки шагов.

Вот мех со скрежетом выходит в проход и начинает двигаться в нашу сторону. Едва определив направление движения – мех двинулся налево, – мы, не сговариваясь, побежали прочь. Для того, чтобы обогнуть стены и выйти к дверям с правой стороны – как в детских пятнашках. Вот только это была не детская игра. Едва забежав за угол, мы столкнулись со стаей гончих. Сидевшие в засаде демонические собаки бросились на нас беззвучно, без лая и рыка.

Отпрыгнув назад, уходя от острых желтых зубов, я двумя короткими очередями убил бросившуюся на меня гончую. Загремели выстрелы остальных, громко завизжала Надежда. Один из псов вцепился ей в руку, заставив выронить оружие, а еще двое набросились сверху. С криком на помощь девушке бросился Илья. Одну гончую он снес с нее ударом ноги и пристрелил еще в полете. Вторая тварь, извернувшись, вцепилась ему в ботинок, прокусив толстую кожу, но Илья, не обращая внимания на боль, топнул ногой, дробя нижнюю челюсть гончей, и выпустил ей пулю в голову почти в упор.

В этот момент я пристрелил еще одну бросившуюся на меня тварь. И, почувствовав холод опасности, интуитивно отпрыгнул назад. Рванулся при этом что было сил, уходя как можно дальше с открытого пространства и подкатившись под разбитую машину. За те мгновения, что потребовались нам справиться с атаковавшими из засады гончими, обманчиво неуклюжий

мех, ускорившись, вышел из-за угла. Гулко захлопал крупнокалиберный пулемет... или это даже авиационная пушка, скорее. Пространство вокруг меня сразу стало агрессивно-опасным, и мимо крупными кусками металла полетела смерть.

Устремившись прочь, я рыбкой нырнул в проем между двумя машинами, кожей ощущая направленный в меня холодный неразумный глаз прицела пулеметов и пушек меха. Стрельба вдруг смолкла. Настороженно вскочив на ноги, обернувшись за мгновение, я увидел, как робот отворачивается от меня. Довольно медленно и неуклюже он поворачивался в сторону Валеры, который выскочил из-за угла и стрелял по меху короткими очередями. Железная болванка почти повернулась ко мне спиной, и я помчался обратно – у него там уязвимое место, и сейчас надо не упустить шанс вывести мех из строя.

Уже на бегу я успел поинтересоваться сам у себя степенью нормальности. Мой безумный рывок был следствием памяти тела Олега, который развлекался в виртуальной реальности подобным образом почти каждый день, а после проходил программу адаптации возможностей тела со своим арена-персом. Так что сейчас я практически против своей воли побежал навстречу подвигу – стремясь забраться на спину меха и попробовать вскрыть его блок управления, чтобы вывести робота из строя.

Вот только мех засек мое приближение. Длинный ствол интегрированной в руку пушки, словно стрела башенного крана, начал плавно поворачиваться обратно в мою сторону. Остановиться я уже не успевал. Грохнуло, с конического пламегасителя сорвались языки пламени, загремели падающие гильзы – мех стрелял почти в упор. Мне это, как ни странно, помогло: я просто упал на пол и, преследуемый рвущей пол вереницей попаданий, проскользил между ног массивной машины. Откуда-то сверху раздался боевой клич – Валера запрыгнул на спину меху, с силой забил в едва видную щель спинных броневых листов ствол АК и высадил длинной очередью весь магазин.

В нутре железной болванки заискрилось, а после раздался негромкий и какой-то куцый взрыв. И еще один, уже серьезнее – метнулись по сторонам щупальцами черного густого дыма, а Валера с криком упал на пол. В полете он извернулся боком, еще и с размаху шлепнувшись головой в гладкий бетон. Как чавкнула лопнувшая на брови кожа, я почему-то услышал очень отчетливо. Мех в этот момент попытался шагнуть вперед, но одна нога у него полностью перестала слушаться, и он начал косо заваливаться.

Когда я выдернул из-под падающей груды металла Валеру, он взвыл от боли. Взрыв в нутре меха не прошел для парня даром. В плече острая железяка торчит, на рубашке под распахнутым пиджаком багровые пятнышки расплываются, одна кисть вся в крови. Резким жестом я выдернул железку у Валеры из плеча. Он почти сразу взвыл, но я легонько хлопнул его по щеке.

– Тихо, тихо, что ты ноешь, как девочка...

Валера невнятно выругался сквозь зубы, а я на краткий миг почувствовал себя хорошо и приятно – вернул должок с процентами. После потянул за собой Валеру, поднимая, сорвал с него пиджак и перемотал изуродованную кисть. Парень, надо отдать ему должное, весьма спорно поднялся, хоть и морщился от боли.

Покусанная Надежда также уже была на ногах. И ее форменный пиджак также был намотан на искусанные гончими руки. Большеглазая миниатюрная красotka точно не боец теперь, хорошо хоть на ногах стоит – бледная, как полотно, и крупно дрожит от боли. Помогавший девушке подняться Модест нагнулся и перекинул оброненный ею пистолет-пулемет Валере. Тот поймал его одной рукой, перехватил и положил на замотанный пиджаком запястье. Модест уже был рядом и засунул за пояс Валере оставшийся тонкий и длинный магазин.

– Вперед, быстрее, – сдержанно произнесла Эльвира. И, не дожидаясь нас, торопливо двинулась к ведущим на траволаторы дверям. Выходила за угол она осторожно, по большому радиусу и держа оружие наизготовку. Сюрпризов и засад никаких не оказалось, и мы тесной

группой пошли на второй этаж. Надежда шла позади всех без оружия. Валера, забравший ее пистолет-пулемет, выглядел не очень, но на ногах держался и по сторонам осматривался цепко. Правда, только правым глазом. Левый щурил от заливавшей его крови из разбитой брови.

Поднявшись наверх, мы оказались в широком атриуме торгового молла, на первый взгляд пустынном. Задерживаться здесь не стали и бегом двинулись в сторону проходов с торговыми павильонами. И стоило нам только исчезнуть с широкого открытого пространства, как я увидел смазанное движение в стороне. Предупреждающе крикнул и почти сразу ослеп – вместе со взрывом свето-шумовой гранаты.

Рухнув на пол, оттолкнулся ногами от наощупь найденного упора и проехался по полу несколько метров, уходя с середины прохода. Здесь, как подсказала зрительная память, был торговый павильон. Найдя наощупь проход, я поднялся на четвереньки и, пригибаясь, забежал внутрь, на удивление никуда не врезавшись. Меня тут же кто-то подхватил под руку и направил в сторону, с открытого пространства – причем так, что я с разбега болезненно встретился плечом и скулой со стеной.

Хлопнуло несколько взрывов, потянуло резким химическим запахом – дымовые шашки прилетели. Загрохотали выстрелы. Кто-то из моих спутников стрелял. Попадал или нет, не знаю. Зато понял, что начали стрелять в ответ – засвистели вокруг пули, рикошетируя со злым посвистом, посыпалась штукатурка.

Постепенно зрение ко мне возвращалось. Хотя толку немного – дымные клубы не давали разглядеть ничего дальше границ павильона. Со мной рядом были сейчас Надежда и Илья. Модест, Эльвира и Валера, судя по звукам выстрелов, находились с другой стороны широкого коридора. Дымовую завесу между тем пересекли яркие зеленые линии лазерных прицелов, дым для которых не был преградой. Их было не менее десятка, и они пересекались светящейся паутиной с идеально ровными нитями.

«Огонь на счет два... готов?» – раздалось в голове очень громко.

Голос Эльвиры – понял вдруг я. А еще понял, что девушка с внешностью валькирии также не чужда ментальных практик.

«Готов», – без задержки ответил я.

«Раз... два», – вновь послышалось невероятно четко.

На счет два я вскинулся и начал бить короткими очередями по источникам яркого света. Захлопали автоматы остальных, дымная муть оказалась подсвечена дульными вспышками.

Прилетело в ответ почти сразу. Пуля ударила в ствольную коробку моего автомата. Правую руку моментально отсушило, стеганув плетью боли в плечо. Вскрикнув, я попытался подхватить выпавшее оружие, как его отбросило в сторону короткой очередью. Судя по тому, что стрельба с другой стороны прекратилась, мы бесславно закончили испытание.

Громко загудела вытяжка, и очень быстро дым вокруг рассеялся. Я увидел бледного Модеста с окровавленной щекой, прижимающую к груди простреленную руку Эльвиру. Валера сидел у стены, прислонившись спиной. Лицо все в крови, грудь часто и рвано поднимается, лоб в испарине – ему точно не очень хорошо. Илья за моей спиной постанывал. Коротко оглянулся – его автомат, также искореженный попаданием, лежит на полу, а сам он прижимает окровавленную ладонь к плечу.

На легко разобравших нас противников я старался не смотреть. Но не смотреть не получалось – фигуры в полной глухой броне подходили ближе, беря нас в полукольцо. Несмотря на накотившее тупое равнодушие от осознания нашего поражения, у меня хватило сил зло улыбнуться. Потому что только сейчас увидел и понял: стреляли мы совсем не по неизвестным воинам в полной броне, а по небольшим дронам. Именно едва слышно жужжащие винтами квадрокоптеры были оснащены лазерными целеуказателями, интегрированными с оружием противников, чьих лиц я за непрозрачными забралами не видел. Зато обратил внимание, как

ближайший из дронов кружит на высоте человеческого роста, а его яркий зеленый луч светит точно туда, куда направлен ствол одного из бойцов.

Несколько дронов, кстати, мы все же сбили. Успех.

Держа нас на прицеле, неизвестные противники подошли ближе, забрали все оружие. После чего бесцеремонно подняли и выстроили всех вдоль стены. Не обращая внимания на то, что тот же Валера еле держался на ногах. Он еще и получил чувствительный тычок в бок – как помощь, чтобы в себя прийти и двигаться быстрее.

Чуть меньше минуты мы стояли и обтекали своим позором, как слышались шаги. Это был Андре, который скупым жестом показал боевикам в доспехах уходить, что они и сделали. Инструктор между тем подошел ближе и встал совсем рядом с нашей позорной шеренгой. Склонив голову, он внимательно осмотрел всех, после чего заговорил. На удивление совершенно спокойно и даже немного устало.

– Вы привыкли, что находитесь на вершине мира. Вы сильны, богаты, могущественны... Даже среди одаренных вы белая кость, одержимые. Ты, – обернулся Андре к Валере, – наследник одного из самых...

Заметив, как взгляд Валеры теряет осмысленность, Андре шагнул вперед и, достав из одного из своих карманов индивидуальный медпакет, разорвал его и приложил к ране на плече. После он обхватил голову парня руками, безо всякой деликатности, как безжизненную болванку, и что-то нажал под скулой. Краткий комплекс мер подействовал – Валера негромко вскрикнул и пришел в себя.

– Что я только что сказал? – спросил Андре Валеру.

– Мы богаче, сильнее, могущественнее остальных, – повторил Валера негромко и шепотом. От потери крови он сильно ослаб, а биогель медпакета закрыл только самую серьезную рану на плече.

– Вы – элита даже среди одаренных, – заново заговорил Андре и приподнял подбородок согнувшегося как интеграл Валеры, заглядывая ему в глаза: – Ты принц, наследник одного из самых влиятельных и богатых кланов. Весь мир у твоих ног. А что ты смог сейчас сделать? Кроме того, что рассказал всем, как у меня в Корее полчерепа снесло однажды? А еще? Все? Где вся твоя сила и влияние, Валера? Ты только что обосрался, мой юный друг, поздравляю.

– Ты! – резко, как атакующая кобра, повернулся ко мне Андре. – Ты как лепидоптерифилист вбил... вы не знаете, как называется коллекционер бабочек? Вы даже этого не знаете, – одними губами улыбнулся Андре и вновь посерьезнел: – Ты блеснул, как крутое яйцо, и воткнул сегодня одного из Власовых в скамейку, как пойманную бабочку в альбом. Молодец, действовал быстро и резко... как детский понос. Вот только здесь ты смог что? Орать, как барышня, когда Валера тебе по ногам стрелял? А? – лицо Андре оказалось совсем рядом. Взгляд у него был спокойный и холодный, без тени эмоций.

– Ты... – обернулся Андре к Эльвире. Открыв рот, наш инструктор хотел что-то сказать, а потом только рукой махнул: – О тебе вообще помолчим. Я знал, что вы проиграете, не дойдете, – отходя на несколько шагов, заговорил Андре. – Но я просто не ожидал, что вы так бесславно сольетесь, как вода в канализацию.

Постояли немного, помолчали. После Андре заговорил вновь.

– Вы сейчас вышли и встали, как груша в боксерском зале, – давай, дядь, ломай меня полностью... Вы едва не опозорились, вас гончие почти съели... из-за чего? Да потому что вы пришли не рвать других и не побеждать. Вы вышли отражать удары. Нет, теоретически, конечно, можно выиграть боксерский поединок, разбив своим лицом кулаки противнику, но на практике я ни разу такого не встречал.

Я вам русским языком сказал о том, что в противниках в предстоящих турнирах у вас будут более старшие курсанты и одаренные. Значит что? Правильно, это значит, что соперники будут опытнее и сильнее вас. Единственный шанс на выигрыш в этой ситуации – попробовать

завладеть инициативой. Бросить на стол все фишки, рискнуть. Вам нечего терять, на бумаге вы уже проиграли. Соперник, на бумаге, уже победил. Это хоть, надеюсь, понятно? Не слышу...

– Понятно, – произнес я, услышав, как одновременно со мной подтвердили правоту Андре остальные. Он говорил неприятные вещи, а еще более неприятным было то, что он был прав.

– Вы вышли на испытание, поминая от замороженного инструктора-идиота, а сами как себя показали? Демон, гончие, древний скрипящий мех даже без нейроинтерфейса – это противники, кого вы должны разбирать играючи на атомы, а вы мокрыми тряпками сюда уже приползли. Против вас было пять неасапиантов, а вы даже защиту щитов ни у одного на пару процентов не сняли. Это провал, детишки... что ты сказал? – резко повернувшись, поймал мой взгляд Андре.

– Это печально, – повторил я фразу, которую только что произнес одними губами.

– Ты прав, мой друг Артур. Это печально, и это печально потому, что мне вас надо учить, а я не ожидал настолько низкого уровня. До кафедры целителей сами дойдете, ножками. Считайте это бонусом за вашу непроходимую тупизну. Завтра встречаемся снова, в то же время, в том же месте. Свободны.

Судя по виду, Андре едва удержался, чтобы не сплюнуть. Развернувшись, он ушел по коридору в сторону лестницы вверх. Исподлобья переглядываясь, мы двинулись следом. Не так быстро – Валеру пришлось почти нести. С одной стороны я поддерживал, закинув его руку себе на плечо, с другой – Модест. Илья с Эльвирой также подхватили Надежду, которая во время монолога Андре с трудом держалась на ногах. Когда мы покинули локацию Молла и вышли в парк, через главный зал малого полигона, Илья и вовсе взял на руки ослабшую девушку.

Дело близилось к ночи, и в парке практически никого не было. Хотя мы все же наткнулись на нескольких гимназистов, что сидели на скамейках с ассистантами. Нас провожали заинтересованными взглядами, но с расспросами не лезли. Да и сильного удивления никто не выказал. Да и действительно, шесть окровавленных учащихся в разодранной форме, двое в полубеспамятстве – чего тут удивляться?

На кафедре целителей было достаточно оживленно. Высокомерной наставницы, которую зеленоглазая подруга Анастасии назвала Адольфом, не наблюдалось. Как и самой подруги. Но присутствовало не менее десяти гимназисток-практиканток, из которых три точно пятого года обучения. Нас здесь, как оказалось, ждали целенаправленно – пока Надежду и Валеру приводили в себя, по обрывкам услышанных фраз я понял, что Андре оставил заявку на обеспечение целителями своего обучающего занятия. Предусмотрительный какой у нас инструктор.

Когда Валера и Надежда были приведены в порядок и вышли на своих ногах из кабинетов, где проходило лечение, пришла очередь «легкораненых». Ко мне подошли сразу две девушки и проводили в отдельную комнату, где я с интересом осмотрелся. Никаких ассоциаций со стерильной операционной или больничной палатой помещение не вызывало. Скорее игровая комната в детском саду, только без буйства вырвиглазных красок – много живой зелени, растительный орнамент на стенах, дерево в отделке, мягкое освещение.

Прежде чем лечь на кушетку, получил указание раздеться. Потом, скрывая смех, меня попросили не стесняться и снимать уже штаны быстрее. А потом началась работа целителей, с которой я сталкивался в этом мире в первый раз. Сталкивался вот так, в сознании и при памяти. Одна из гимназисток-целительниц концентрировала энергию. Она держала руки так, словно напряженно сжимала невидимую полусферу. А вторая, оперируя предоставляемой силой, изменяла мои раны. Именно что изменяла – меняя мертвое на живое, как мне показалось.

Через несколько минут я был цел и здоров. Только вставать не хотелось – по всему телу разлилась истома тянущей усталости. Вот только едва я глубоко вздохнул, собираясь с силами,

как совсем рядом вдруг оказались необычайно яркие зеленые глаза, и я почувствовал на своих губах едва ощутимые касания чужих. Против своей воли потянулся вперед, но и целительница подалась назад. Я так и поднялся за ней, словно привязанный, едва-едва касаясь ее губ своими. Когда сел, полностью выпрямившись, девушка резко отпрянула.

– Поцелуй жизни, – подмигнув, улыбнулась мне она. И только сейчас я понял, что все то время, пока поднимался, в меня вливалась теплая и ласкающая жизненная энергия. Приятно, однако. Причем я заметил это, только выпрямившись. Удивительное ощущение.

– Ну все, теперь жениться должен, – веселым голосом произнесла вторая юная целительница. Заметив мое смущение, они обе звонко рассмеялись и упорхнули, не прощаясь.

«Что за день-то, а?» – в сердцах поинтересовался я про себя. Сначала навалилось разного семейного, потом Андре на дно показал, сейчас вот совсем молодые девчонки смутили и посмеялись. Хорошо хоть по-доброму, без издевки. «День как день, – философски отметил внутренний голос, а когда я хотел было возразить, добавил: – То ли еще будет...»

Сдержав накатившее раздражение, я не торопясь оделся. Штаны с прорехами на ноге, на рубашке подсыхающая кровь, пиджак драный. Красавчик. Остальные, впрочем, выглядели не лучше – когда я вышел в холл приемного покоя, четверо моих сокомандников лицами показывали, насколько им хорошо и весело. Через несколько секунд появился Илья. Его закончили латать последним. Эльвира с его приходом сразу поднялась, жестом показывая нам на выход.

– Может, принтер найдем? – поинтересовался я в спину остальным, когда все по жесту девушки потянулись к выходу.

– Угу, еще один, – хмыкнул Валера, посмотрев на Надежду. Эльвира осталась бесстрастной, а Модест усмехнулся. Как и дежурная целительница за стойкой лечебницы, явно завершающая рабочий день.

– Господин Андре Смирнофф дал указание не разрешать вам пользоваться прет-а-порте принтером кафедры целительных искусств, – улыбнулась гимназистка, блеснув ярко-зелеными глазами.

– Спасибо господину Андре за очередной важный урок, – только и хмыкнул я.

Выйдя из здания, мы прошли немного и, не сговариваясь, остановились в тени раскидистого платана. Постояли, помолчали немного.

– Давайте договоримся, – произнесла своим глубоким голосом Эльвира, – это было два раза. Первый и последний.

– Так точно, командир, – ответил после короткой паузы Валера. Несмотря на полушутливый тон, произнес он это с достаточно серьезным видом. И после этого все остальные – кроме Эльвиры – посмотрели на меня. Ну да, на кого же еще смотреть. Я внимательно взгляделся в широкоскулую девушку с русой косой, потом посмотрел в серые глаза Валеры.

Да, Боливар двоих не выдержит. И наше начавшееся с ним, пусть и необъявленное, соперничество не дало бы мне признать его главенствующую роль. Как предполагаю, и ему мою. Тем более он принц, самый настоящий, а я пока вообще черт знает кто. Хм, двусмысленно как-то получилось. Тогда уж «я пока вообще архидемон знает кто».

Подчиняться сопернику – унизительно. И в этом случае признанное лидерство и командная роль Эльвиры – компромиссный вариант, лучший для всех. Тем более девушка-валькирия вовсе не проста, по поведению видно. Взять хоть момент, как она проявила инициативу после уничтожения меха, а потом наверху в дыму.

Вслух я ничего не сказал, просто прикрыл глаза и кивнул в знак согласия.

На этом наш даже толком не начавшийся разговор закончился, и мы гурьбой двинулись дальше по аллее. Не прощаясь, вскоре разошлись. Остальные пошагали в сторону выхода, я же направился к главному корпусу. Мне надо было найти фон Колера – потому что прошло уже достаточно много времени после разборок с «делом семейным». И если в стенах гимназии я огражден от лишнего внимания со стороны родственников вбитого в скамью гимназиста, то,

когда покину территорию альма-матер, могут начаться сюрпризы. Поэтому лучше подстраховаться. Все же фон Колер мой опекун, пусть решает вопрос.

Сильно по этому поводу не переживал – потому что был уверен в тех эмоциях, что считал с гимназиста-воздушника. Это был посланный казачок, выполнявший поручение. А с таким кланом, члены которого состоят у кого-то на побегушках, разобраться хватит авторитета барона. Даже наверняка без тяжелой артиллерии покровителей из тайной канцелярии.

В некоторых своих догадках я не ошибся. К фон Колеру действительно уже прибыли разбираться. У широкого крыльца главного здания гимназии стояла черная представительская машина, на капоте которой были закреплены флажки с гербами клана. Знакомая лазурь неба, белая крепостная стена с башнями и рука с мечом из облака – знак, получается, Власовых. Если я правильно понял слова Андре о том, что я унизил одного из Власовых.

Когда подходил к широкому крыльцу, из высоких резных дверей появились двое. Фон Колер и высокий русоволосый господин нордического типа. Более старший и широкий в плечах, чем та молодая копия, которую я совсем недавно оставил в полубеспамятстве в парке. Господин вперился в меня тяжелым взглядом, а я не нашел ничего лучше, чем состроить гримасу, поджав губы, и извиняюще пожать плечами. Мол, оно само так получилось.

Старший Власов едва сдержал приступ ярости – глаза его опасно взблеснули, а кулаки сжались. Фон Колер предупреждающе поднял руку и, взглядом попросив беловолосого господина подождать, двинулся ко мне.

– Алексей Петрович, – негромко произнес барон, оказавшись рядом.

– Максимилиан Иванович, – в тон ему ответил я. И почти сразу почувствовал, как колыхнется воздух вокруг – барон повесил над нами защитный купол.

– У вас с собой кольцо Антона Аверьянова? – поинтересовался барон.

Так. На имени я мысленно споткнулся. Вот как бывает, когда сразу наваливается много всего. Клан, получается, Власовых, а фамилия пытавшегося оскорбить меня – Аверьянов, я ведь и забыл совсем об этом. Черт, но они же похожи как две капли воды! Или этот мужик на крыльце не представитель княжеского рода Власовых, а старший Аверьянов?

– Как зовут господина, что прибыл за перстнем? – поинтересовался я невпопад, заставив барона раздраженно сжать губы в тонкую нить.

– За перстнем гимназиста Аверьянова прибыл сам его сиятельство князь Михаил Сергеевич Власов.

«Почему тогда Антон Аверьянов? Тоже со стороны нагуленный, как и я?» – мысленно удивился я в очередной раз фамильному сходству.

– Так у вас с собой снятое с Аверьянова кольцо? – продемонстрировав нетерпение, вновь поинтересовался барон.

– Да.

– Кольцо надо отдать его сиятельству прямо сейчас. Я обещал, что вы это сделаете, – заметив, что я было собрался что-то сказать, пресек мои возражения барон.

В ответ на это мне оставалось только разочарованно вздохнуть. Что-либо еще уже бесполезно говорить – если фон Колер действительно обещал. Да даже пусть не обещал, а соврал мне, он ведь не признается в этом. Барон – мой опекун, и если я сейчас заартачусь, последствия будут неприятными для нас обоих.

– Хорошо, я отдам перстень, – скрепя сердце согласился я.

– Благоразумное решение, – кивнул фон Колер, снимая купол завесы.

Быстрым шагом я направился к князю Михаилу, но остановился, не доходя метров трех. Он ждал на ступенях лестницы, я же встал снизу на брусчатке. Так что он возвышался надо мной, как гора Килиманджаро над саванной.

Достав из кармана пиджака трофей, вытянул руку с открытой ладонью, демонстрируя воспаривший в воздухе перстень князю. Власов смотрел на меня сверху вниз и ждал, пока я подойду. Я же делать этого не собирался.

– Антон Аверьянов сегодня хотел меня оскорбить. Пытался оскорбить грязно, исподтишка. Даже, наверное, оскорбить изощренно – так, чтобы я не смог равноценно ответить, а тем более вызвать его на дуэль. Именно поэтому в ответ он столкнулся с моей столь резкой реакцией.

Я выдержал короткую паузу. Власов был явно раздражен. Не думаю, что целый князь только и думал последние дни о том, чтобы с началом учебного года кататься по гимназиям и решать проблемы юных членов клана. А когда тратишь время, которое для власть имущих это все – деньги, влияние... Когда тратишь время зря, радоваться этому сложно. Но, несмотря на раздражение, к моим словам князь все же прислушался, и я продолжил.

– Когда я снял с пальца Антона Аверьянова перстень, я сказал ему, что за кольцом жду того, кто дал команду выставить меня на всеобщее посмеище. Надеюсь, он вам это передал?

– Нет, – коротко ответил Власов.

– Оскорбления, которые при всех пытался нанести мне Аверьянов, – это удел не противников, а смертельных врагов. Или холуев, которые выпили зелье с критической дозой слабости и отваги. Вы можете сейчас забрать перстень, но тогда интересом того, чтобы втоптать меня в грязь, я буду вынужден считать вас.

Власов думал достаточно долго. Секунд десять. После чего едва заметно дернул щекой и пошел прямо на меня. Приблизился почти вплотную, постоял несколько секунд, а после рывком запахнул плащ и, пройдя мимо – едва не коснувшись моего плеча, быстро оказался у машины. Глухо хлопнула дверь, и черная туша широкого автомобиля мягко тронулась, слегка накренившись в развороте.

– Машинам же нельзя заезжать на территорию гимназии? – задал я риторический вопрос подошедшему фон Колеру.

– Вы опасный человек, Алексей Петрович, – задумчиво протянул барон.

– Шутить изволите, Максимилиан Иванович, – невесело улыбнулся я, сжимая кулак и убирая перстень в карман.

Постояли, помолчали немного, глядя, как удаляются по подъездной дорожке ярко-красные габаритные огни.

– Максимилиан Иванович?

– Слушаю, Алексей Петрович?

– После случившегося я могу безбоязненно ходить по улицам, или мне надо начинать опасаться за свое здоровье?

– Старайтесьшний раз не появляться в одиночестве, тем более в темных переулках. Реакцию князя Михаила я не берусь предугадать, но вряд ли с его стороны можно ожидать агрессии в ближайшее время. Но у вас уже много других... друзей, и не все еще представились. У вас остались дела в гимназии?

– Нет.

– Тогда, думаю, нам будет лучше сейчас вместе отправиться в имение.

Машина фон Колера, кстати, также находилась на территории гимназии. И, глядя на мощный автомобиль, я бы никогда не подумал, что это машина профессора.

До имения Юсуповых-Штейнберг доехали в тишине. Почти в тишине – сопровождаемые женским голосом навигатора, предупреждающим о приближении к критично-опасному порогу скоростного режима. Барон вел машину резко и агрессивно, на грани нарушения правил. Доехали до имения мы быстро и здесь разошлись не прощаясь. Фон Колер поехал в гараж, а я выскочил почти на ходу и направился в главное здание. Путь мой лежал в рабочий кабинет Анны Николаевны.

Я не ошибся – Анастасия была здесь. Княжна сидела, развалившись в кресле, повернувшись спиной к выходу. Прикрыв за собой дверь, я прошел через кабинет и устроился на гостевом кресле. И, не скрываясь, выругался, когда увидел уполовиненную бутылку виски на столе.

Кресло развернулось, и на меня посмотрела княжна. Опынания внешне на первый взгляд у нее заметно не было – лишь потухшие глаза маслянисто поблескивали.

– Ты откуда такой красивый? – спросила Анастасия, оглядывая мой рваный и окровавленный костюм. Вот черт, а я совсем ведь забыл об этом – с Власовым, с этой поездкой в машине фон Колера. Даже не вспомнил о том, что переодеться надо.

– Стреляли, – пожал я плечами, опустив взгляд и посмотрев на прорехи в рубашке и на штанах. – Алкоголь глушит магию? – поинтересовался я, поднимая взгляд.

– Да, – только и ответила девушка, большим глотком допивая остаток виски на доньшке. Для этого ей пришлось высоко запрокинуть стакан, так что несколько кубиков льда проехалось по стенке и встретилось с влажными губами.

– Что стало известно? И как это произошло?

Не отвечая, Анастасия медленно, выверенными движениями достала из ящика планшет и положила на стол. В последний момент тонкий прямоугольник сорвался с ее пальцев и звучно шлепнул всей поверхностью о стол. Резким жестом княжна отправила планшет по столешнице мне, после чего взяла бутылку и налила себе еще виски. Только сейчас я заметил, что она пьяна практически в дым. Бутылку держала неуверенно и пролила немного на лакированную поверхность стола. Просто концентрируется на простейших движениях и выглядит почти трезвой, оттого степень опьянения не сразу заметна.

Я молча взял планшет и всмотрелся в экран. Так, серая сеть, ясно все. Заметка, текст проглядел мельком. Бла-бла-бла, Юсупов-Штейнберг, прибудный сын, вдруг откуда ни возьмись – даже вчитываться не хочется, все стандартно для желтых сайтов.

Внимание привлекала фотография. Довольно размытая, но мое лицо угадывается. На руках у меня голая девушка. Как раз тот самый момент, когда я выносил княжну из ванной комнаты. Снимали с улицы, с дрона, который подлетел практически вплотную к стеклу, как понимаю. И еще понимаю, что вот это вот все серьезный просчет службы безопасности. Если она тут вообще есть, а не один неизвестный мне пока Роман Игоревич З. за безопасника выступает. Хотя не один наверняка. Сам вчера вечером активы рода рассматривал. Не бывает, когда так много всего есть, а защищать это некому.

Юная княжна сидела нахохлившись, как ворона, мелкими глотками потягивая виски. Я мельком посмотрел на квадратную литровую бутылку. Сильна – больше половины уже нет. Интересно, давно закидывается?

– Вот это, – подцепил я двумя пальцами за горлышко бутылку и поставил ее прямо на экран с фотографией, – привело к вот этому. Я сейчас пришел к тебе обсуждать проблемы и пути их решения, а увидел... слабого человека.

Анастасия сощурилась, но ничего не сказала.

– Ты наверняка ничего не подготовила из того, что...

– Подготовила, – резковато произнесла Анастасия, пытаясь подняться в кресле.

– Мне как, накатить соточку, чтобы с тобой на одной волне оказаться? – кивнул я на бутылку.

Княжна зло сощурилась, но ничего не сказала. Я чувствовал ее злость и раздражение – она не знала, что сказать. И банально хотела сейчас меня ударить.

– Я готов подписаться помогать слабому роду, к которому сам принадлежу. Но не готов помогать слабому человеку.

Поднявшись, я наклонился и щелкнул ногтем по бутылке.

– Сегодня мы с тобой уже ничего не обсудим. Завтра, лучше утром. И я скажу тебе сейчас одну вещь, важную. Есть трагедии, а есть проблемы. С первыми надо смириться и жить дальше,

а проблемы надо решать. Но если человек, вместо того чтобы решать свои проблемы, глушит их в алкоголе, то... этот человек конченный. А я с конченными вести дела не собираюсь. Решать тебе.

Направившись к выходу, чего-то подспудно ожидал. Не ошибся: Анастасия кинула тяжелый стакан в меня в тот момент, когда я взялся за ручку двери. Ну хорошо, не в меня кинула – рядом. Попала в стену в паре метров от моей головы. Посмотрев, как брызнувшие осколки осыпались на пол, я открыл дверь и вышел, аккуратно прикрыв за собой тяжелую створку.

Войдя в комнату, торопливо разделся и, бросив драную и окровавленную форму в приемный зев принтера, пошел принимать душ. Несколько минут стоял под тугими горячими струями, закрыв глаза и обдумывая все произошедшее. Глаза дальше почти не открывал – уже когда вытирался и чистил зубы, периодически позевывал. Есть хочется. Ужина у меня сегодня не было. Но больше чем есть, хочется спать. Так что вопрос с едой можно отложить до завтрака.

Выйдя из душа, увидел, что на моей кровати, поперек, валяется Зоряна. Она лежала на животе, игриво болтая ногами. Частично девушка была накрыта простыней, но даже так угадывалось, что из одежды на ней только украшения, которые подарил ей вчера. Как же давно это было – мелькнула мысль, когда я смотрел на медальон в виде капельки, скользнувший по бархатной коже, – Зоряна как раз повернулась на бок, прикрывая белой тканью грудь.

В комнате царил полумрак, но девушка что-то почувствовала по моему состоянию. Наверное, все же увидела маску усталости у меня на лице. Зоряна молча поднялась, подвела меня к кровати и мягко уложила, накрыв простыней.

– Зорь, я...

– Глаза закрой, – только и шепнула она, нырнув с головой под накрывающую меня простынь. Когда я почувствовал касания горячих губ, спускающихся по груди все ниже и ниже, неожиданно понял, что спать хочу не так уж и сильно.

Глава 4

Открыл левый глаз, осмотрелся. Лежу один на смятой кровати. Зоряны рядом не видно. Но она, как смутно помню, вроде упорхнула еще ночью, почти беззвучно.

Повернулся на другой бок, закрыл левый глаз, открыл правый. На прикроватном столике прозрачный дисплей, на нем цифры, время и дата.

5:54. Я, как обычно, проснулся перед самым звонком будильника. Перекатился на спину и сладко зевнул, глядя в потолок.

– Я календарь переверну... – нещадно фальшивя, пропел я. Дальше слова не помнил, поэтому песня закончилась. Закрыв глаза, зажмурился на мгновение, прощаясь с отдыхом и сном, после резво соскочил с измятой кровати.

– Тре-етье сентября... – сообщил я всему окружающему миру, прежде чем зайти в ванную.

Быстро принял душ, запрыгнул в спортивный костюм и выскочил на пробежку. Бежалось легко. Не в пример тому, как сохранилось в памяти на двадцать лет вперед. Да, в родном мире я по утрам тоже бегал. Утренняя тренировка бодрит лучше кофе, еще и разогнанный метаболизм весь день помогает в работе. Вот только сейчас ощущения легкости несравнимы. К тому же мне семь часов хватило выспаться с запасом после полутора суток бодрствования. Состояние абсолютного здоровья, как у космонавта перед полетом. Воистину, юные годы чудесны!

Гравий дорожки хрустел под подошвами. Круги по парку наматывались легко и непринужденно. За мной ненавязчиво наблюдала охрана княжеского рода, но к этому я уже привык. Зато появление впереди девичьей фигуры оказалось неожиданностью.

Анастасия со стянутыми на затылке в тугий хвост волосами, в обтягивающих белых леггинсах и ярком топе выглядела непривычно. По-домашнему как-то, без налета ее обычной ауры холодного безразличия. Особенно непривычно, еще и учитывая ее вчерашнее состояние.

Но, несмотря на вчерашний неприглядный вид, пристроившаяся в беге рядом со мной девушка казалась свежей и бодрой. Четверть часа мы в молчании плечом к плечу наматывали круги по парку. После чего княжна на бегу сознательно потеснила меня, направляя прямо на мягкую, пружинящую под подошвами траву. Пробежав под сенью деревьев, мы вскоре оказались на той самой поляне, где я совсем недавно под раскидистой ивой нашел Зоряну и где у нас с девушкой состоялся серьезный разговор. Анастасия до памятного места немного не добежала. Остановилась на пустом пространстве и, не нагибаясь, скинула с ног кроссовки, цепляя их за задники.

– Спарринг? – поинтересовалась княжна. Ее глаза цвета ультрамарина сейчас казались необычайно яркими. На контрасте того, как блекло выглядели вчера.

– Как скажешь, – не стал противиться я, также снимая кроссовки. Все равно короткий спарринг есть в плане утренних тренировок с Мустафой, который должен скоро в спортзал подойти. Надеюсь, он не обидится, прождав вхолостую.

– У меня просьба, – разминая шею, негромко произнесла Анастасия.

– Внимательно.

– Будь галантен и не бей меня, пожалуйста. Только защищайся.

– Пфф... – просьба оказалась неожиданной. Анастасия на миг замерла, приподняв левую бровь. И при этом стала неуловимо похожа на Анну Николаевну.

– Ну давай попробуем, – пожал я плечами.

Она сорвалась с места неожиданно и резко, как атакующая кобра. Так, что уклониться я успел в самый последний момент. И еще раз. И еще. Когда княжна попыталась поймать меня на противоходе, машинально поставил жесткий блок. Раздался громкий вскрик, и Анастасия

покатилась по траве. Легко вскочив на ноги, она выразительно посмотрела на меня, морщась и потирая голень.

– Ты нежнее можешь?

– Обычно мне подобное говорят в несколько других ситуациях, – не выдержал я, усмехнувшись.

Княжна без лишних слов снова сорвалась с места, пытаясь достать меня серией ударов. Это оказалось даже интересно. Своеобразный танец, только опасный. Я помнил, что и как сделала Анастасия на дуэльной площадке с Разумовской. И сейчас еще понял, как чувствовал себя Мустафа в первых поединках со мной, только защищаясь.

Мы кружили по поляне не меньше десяти минут, так что я уже начал чувствовать приближающуюся усталость. Несколько раз мне приходилось сдерживаться – объективно, в рукопашном бою я был на голову сильнее Анастасии. Наверняка именно поэтому она попросила меня не бить в ответ. От куда знает, интересно? Мать рассказала или сама наблюдала за моими тренировками? Или отчеты о них смотрела?

Кружась по поляне, с относительной легкостью избегая атак потерявшей преимущество неожиданности княжны, я даже немного расслабился. Зря. Потому что на пороге усталости Анастасия вдруг взорвалась градом ударов, ускорившись едва ли не вдвое. Пришлось банально отпрыгнуть, отступая. Анастасия бросилась следом и, показав, что будет бить ногой, удивила – ударила рукой. Честно сказать, мне повезло: у меня просто ступня проскользнула по траве, поэтому небольшой кулачок свистнул совсем рядом со скулой. В падении я подсек девушку под щиколотку и, извернувшись, обозначил удар ногой ей под подбородок. Нет, ну как она меня усыпила, а?

Перекатившись назад через голову, я вскочил на ноги в ожидании. Но обессиленная в последней взрывной атаке княжна лежала на спине, не двигаясь и широко раскинув руки, пытаясь успокоить дыхание. Невольно я оценил взглядом вздымающуюся грудь и тонкую, но уже достаточно округлившуюся в нужных местах фигуру девушки.

Несколько секунд отдыха, после которых Анастасия изогнулась дугой и, толкнувшись спиной, взвилась на ноги. Но в мою сторону движений больше не было. Пр продемонстрировав короткий поклон и жест «кулак в ладонь», Анастасия нашла свои кроссовки и быстро обулась. Когда я последовал ее примеру, княжна взглядом попросила меня следовать за собой.

Миновав полянку, мы уже приближались к берегу реки, лениво несущей свои воды. При этом Анастасия так и бежала прямо, даже не думая останавливаться. Я чуть притормозил, а девушка не сбавила скорость. Легким прыжком она соскочила с приподнятого среза берега и приземлилась уже на застывшую льдом поверхность реки.

Я задержался лишь на долю мгновения – все же применение магии, особенно стихийной, для меня еще из разряда непривычных чудес. Ладно темные искусства. Боль, мрак и страдания даже на уровне подсознания за магию особо не считаются, как и демоны. А вот ледяная дорожка, появляющаяся на поверхности воды перед бегущей княжной, поражала не меньше, чем если бы я увидел летающие сани с дедушкой Морозом. Или с Санта-Клаусом – кто из них на санях летает, точно не знаю, не очень подкован в теме.

Бежать по льду оказалось легко. Водная гладь, застывая, превращалась не в зеркальную поверхность, а во льдистую пористую дорожку с торосами, на которой подошвы не скользили. Анастасия между тем понемногу замедлялась, а чуть погодя и вовсе остановилась.

Прикрыв подрагивающие веки, княжна подняла руки с раскрытыми ладонями. Поначалу ничего не происходило, но постепенно вода вокруг нас пошла водоворотом, закручиваясь сначала медленно, а чуть погодя все быстрее и быстрее. Потоки воды поднимались все выше, а мы оказались словно в центре бушующего смерча, в полном спокойствии и безветрии. Поднятая силой княжны вода звонко заскрежетала, превращаясь в лед, и вскоре мы с ней оказались под глухим куполом.

– Нам надо поговорить, – повернулась ко мне Анастасия. Она старалась выглядеть спокойно и невозмутимо, но приложенные усилия не прошли даром. Еще и недавний активный спарринг давал о себе знать. Грудь девушки заметно вздымалась, даже несмотря на усилия по сдерживанию бурного дыхания, на щеках яркий румянец, волосы на висках влажные от пота, на лбу испарина.

– Давай поговорим, – не скрывая веселья, широко улыбнулся я. Интересно было, что и как она сейчас скажет. Особенно после столь неожиданной совместной тренировки.

– Ты уж совсем за дуру меня не считай, – приподнялась верхняя губа княжны, словно у раздраженно ощерившейся рыси.

Так. Что-то я явно упустил – моментально собрался я, глядя в яркие ультрамариновые глаза.

– У меня сейчас нет ни одного человека, которому я могу доверять, – произнесла Анастасия сдержанно. – Можешь считать это извинениями.

– Могу и не считать? – совершенно серьезно поинтересовался я.

– Для Алексея Петровича Юсупова-Штейнберга это ничтожно мало, признаю. Для Артура Волкова – непозволительно много с моей стороны. Согласен?

Вздыхнув, заново собираясь с мыслями, я осмотрелся по сторонам, обозревая ледяные стены купола без окон, без дверей. Сказанная фраза показалась очень знакомой, и я почти сразу понял, почему: это были один в один слова Анны Николаевны, когда она приносила мне своеобразные извинения.

– Ты слушала наши беседы с Анной Николаевной?

– Да, – просто ответила Анастасия.

– Она в курсе? – осторожно поинтересовался я.

– Она сама позавчера рассказала мне, как это сделать.

– Ты сказала, что сейчас не знаешь никого, кому можешь доверять.

– И?

– Николай и... Александра? – замялся я на имени младшей сестры. Всегда плохо запоминал имена, а иногда, вроде запомнив, мог забыть.

– Не больше, чем другим людям, находящимся рядом со мной.

– Потому что ты больше Юсупова, а они Штейнберг?

– Потому что я просто не могу никому доверять.

– Мне, значит, можешь доверять больше, чем настоящим брату и сестре?

– Когда ты говорил, что прибыл из мест, где о магии толком не слышали, я не думала, что это серьезно. Я не совсем в курсе норм жизни на территории протектората, так что даже не могла предположить, что ты знаешь об одаренных настолько мало.

– Ты не была пьяна вчера?

– Была, – кивнула Анастасия. – Вот только избавиться от алкогольного опьянения для меня – дело одной секунды. Ты этого не знал.

– И повелся, – кивнул я. – Ты читала мои эмоции?

– Пыталась, если быть точной... Но попытка оказалась успешной.

– Пыталась?

– Да. Я не ментат, в отличие от тебя. Но после того как помогала тебе избавиться от тьмы, у нас есть с тобой связующая нить, и я тебя пока чувствую.

– Мм... – поджал я губы, прислушиваясь к ощущениям. Действительно, что-то такое присутствовало. Легкое, едва заметное. – Пока чувствуешь? Это не навсегда?

– Нет, я предполагаю, что в любой момент ты можешь разорвать связь.

– Буду иметь в виду. Расскажи подробнее о том, что произошло. Мне надо понять, в чем ошибся, – посмотрел я в глаза Анастасии.

– К моему приходу я выпила полбутылки виски и слегка...

– Окосела, – подсказал я замявшейся девушке.

– Не пытайся казаться невоспитаннее, чем ты есть, – укоризненно покачала головой княжна. – Но да, я слегка окосела. В состоянии алкогольного опьянения действительно нельзя воспользоваться силой. Нельзя воспользоваться безопасно для себя, – исправилась Анастасия. – Но можно избавиться от интоксикации за несколько секунд, было бы желание. Когда ты зашел в кабинет, я сознательно не закрывала свои эмоции, так что ты чувствовал мой фон так же, как фон обычного человека, не одаренного. И в этот момент я получила все, что хотела.

– Что?

– Когда ты говорил, что готов помочь слабому роду, ты говорил искренне.

– Но я же не сказал, что готов помочь тебе. Ты сама говорила, что не можешь доверять Николаю и Александре.

– Я сейчас неотделима от рода. Поэтому мое недоверие к младшим не столь важно в данный момент.

– Хорошо. Если, как ты говоришь, одаренный в любой момент может справиться с опьянением, почему тогда произошло то, что произошло?

Несмотря на размытое определение, Анастасия хорошо поняла, что я имею в виду – щеки девушки залило румянцем, и взгляд она опустила.

– Это... была ошибка, – подняла она глаза.

– Ты напилась до такого состояния, что просто не в силах была снять проклятье синевы?

– Нет! – довольно резко ответила Анастасия.

– Не нервничай так, я ж не журналист сетевого издания, – примиряюще поднял я руку. – К тому же о магии имею весьма смутное представление, сама знаешь.

– Если мешать алкоголь со «слезой», то эффект опьянения необратим.

Вот оно как, значит. «Слеза» – популярное вещество в кругах золотой молодежи протекторатов, заряжающее энергией и бодростью. Теперь понятно, почему именно «слезы» так востребованы и у одаренной молодежи первого мира.

– И это типа прикольно, накидаться в такой хлам?

– Нет, не прикольно, – холодно посмотрела на меня Анастасия. – Я же сказала тебе, это была ошибка планирования.

– Планирования отдыха?

Не знаю, зачем я переспросил. Так бывает, когда срываешь корку с подживающей раны. Вроде больно, знаешь, что только хуже будет, но и не остановиться. Тем более по эмоциональному фону княжны чувствовал, что дело несколько глубже, чем обычный позор неудавшейся гулянки.

– Я же тебя не спрашиваю, зачем ты девочку в грязи подобрал, сюда привез и подарки ей покупаешь, – начала было Анастасия, но я ее прервал.

– Так спроси.

– Да? – с искренним удивлением подняла бровь княжна. – И зачем же ты ее привез?

Помолчали немного, глядя друг другу в глаза. Я в этот момент понял, что если полностью не закрываться, то усилившаяся между нами связующая нить работает как детектор лжи. Понемногу и исподволь в ходе беседы Анастасия подвела к тому, что мы говорили предельно открыто. Оба. Сильна, нечего сказать. Сильна умом, что вкупе с ее постоянной холодной выскомерностью, даже где-то презрительной к окружающему миру, может произвести обманчивое впечатление. Как со мной и случилось вчера и сегодня.

И я сейчас ответить могу только честно. Могу, конечно, соврать или банально закрыться от княжны, но тогда смысл откровенного разговора потеряется.

– Пожалел, – просто ответил я. – Так бывает.

Анастасия кивнула, внимательно глядя мне в глаза. Ну да, почувствовала недоговоренность.

– У меня, как и у тебя, нет рядом людей, на которых я могу полностью положиться. Зоряна стала первой, – нарушая затянувшуюся паузу, предельно честно ответил я.

Княжна, не отводя глаз, кивнула, поблагодарив за откровенность.

– Ну и? – напомнил я ей ее же броскую вопросительную фразу.

– Вопреки воле Анны Николаевны, я пыталась наладить близкие отношения с князем Андреем.

– Близкие отношения? – машинально переспросил я с легко угадываемым подтекстом. И, только закончив фразу, понял, что вопрос совсем не в тему. Если Анастасия урожденная Юсупова, значит наследник – ее брат. Настоящий, а не как я. Или там в клане много разных Юсуповых, и не брат он ей?

– Скажи, в протекторате настолько все плохо с плотской любовью, что любая тема подводит к сексу? Или весь культурный уровень лишь на секс и заточен? – без особого даже раздражения поинтересовалась Анастасия. По эху ее эмоций я понял, что она начала относиться ко мне как к пришельцу из другого культурного мира. И уже не обращала внимания на некоторые моменты, потому что граница черного и белого в наших непересекающихся реальностях сильно размыта.

– Близко не в плане совсем близко? – все же ради интереса переспросил я.

– Не так близко, как ты со своей Золушкой, – продемонстрировала язвительную улыбку Анастасия.

– Молчу-молчу, – согласился я и взглядом попросил княжну продолжать.

– У меня, прямо скажем, не удалось. На последней вечеринке я попала в неприятную ситуацию, но смогла избежать... позора, так скажем. Поняла при этом, что князь Андрей со мной играл.

– Зачем так напиваться было? В смысле со «слезой», чтобы совсем в нули уйти?

– На вечеринках все так делают. Смысл тогда пить алкоголь, если необратимого эффекта нет?

Ну да, не поспоришь.

– Я добралась до дома без особых приключений и направилась в крыло для прислуги.

– Часто так делала?

– Нечасто. Но делала.

– И...

– Что «и»? Вся история. Кто ж знал, что ты там окажешься.

– Андрей Юсупов... – вдруг щелкнуло у меня что-то в голове.

– Что?

– Князь Андрей. Юсупов? – спросил я, а после понял, что вопрос выглядел слегка глупо.

– Князь Андрей Юсупов, – подтвердила княжна.

– Он на вашу пати не из Волыни прибыл?

– На наше что, прости?

– Party. На вечеринку.

– Избавляйся уже от своего английского, это моветон. Ты в России, здесь разговаривают на русском и французском.

– Окей, – легко согласился я. – Так князь Андрей прибыл из Волыни?

– Из Высокого Града, если быть точным, – подтвердила Анастасия.

Теперь окончательно вспомнил. Страшный и неприятный момент, когда я находился в роли бессловесного наблюдателя в теле Олега, ошарашенного известием о гибели «отца». И вспомнил выуженную из серой Сети заметку в стиле «ШОК! Наследник княжеского рода Юсуповых...».

И это все значит, что Войцеха Ковальского, моего опекуна, убил князь Андрей Юсупов. Еще один наследный долг из прошлой жизни. Степан, теперь вот князь Андрей. С ним и вовсе

словно сама судьба сводит... Хотя так, стоп. Фамилия у этой отдельно взятой судьбы или Безбородко, или Демидов – которые отправили меня именно сюда, в Елисаветград, окруженный землями кланов Юсуповых и Разумовских. По уму, я ведь мог обучаться в гимназии в любой точке России, без этого фокуса напряжения.

– Что-то не так? – поинтересовалась княжна, видя мое задумчивое состояние.

– Не имеющие отношения к нашему делу частности мелочей бытия, как нюансы твоей попытки внедрения в близкий круг князя Андрея, – отсекаю сразу все возможные вопросы. – Ты мне скажи вот что: если это не первый твой пассаж в крыло имения, предназначенное для слуг, то... Анна Николаевна об этом знала?

– Нет, – покачала головой Анастасия. – Я поняла, о чем ты. После того как первый раз пришла домой... в не очень ровном состоянии, я ждала разбора полетов от мамы. Но ничего не последовало, поэтому я пользовалась подобным способом еще пару раз. Сначала у меня была мысль, что слуги просто не докладывали никому, потому что боялись меня.

– Боялись тебя, – повторил я, желая уточнить не очень понятный момент.

– Я будущая глава рода, – произнесла Анастасия, после чего решила уточнить: – У нас в Конфедерации жизнь не такая, как в протекторате, здесь не принято часто менять работу. И если подумать, зачем мне слуги, которые на меня доносили? Я так считала все это время, но за последние дни глубже вникла в вопрос. Должность слуги в роду одаренных – престижна и почетна, передается по наследству. И если оставить подобное знание в себе, последствия могут быть хуже, так что главе службы безопасности наверняка докладывали.

– Это «Роман Игоревич З.»? – спросил я, быстро вспомнив имя адресата в почтовой рассылке княжны.

– Роман Игоревич Зайцев, – подтвердила княжна.

– И он, значит, тоже опасался за свою карьеру, не передавая информацию княгине?

– Кто-кто, а он за свою карьеру точно может не опасаться. Вот только Анне Николаевне обо мне и моих... ночных походах информацию он не передавал. Почему, я не знаю, – удивила меня Анастасия.

– Камеры в поместье есть?

– Только по периметру, – уже Анастасия удивилась моему вопросу.

Ну да, чего это я. Если даже в Высоком Граде элитные кварталы являются частной зоной, свободной от всевидящего ока, то в поместье аристократов ожидать тотального наблюдения глупо. Неприкосновенность частной жизни.

– Получается, господин Зайцев все же опасается за свою карьеру? – задал я дежурный вопрос.

– Получается, что Роману Игоревичу нельзя доверять. Мне об этом прямо намекнула Анна Николаевна в нашем разговоре.

– Но он ведь, видя безобидность твоих действий, мог действительно...

– Роман Игоревич Зайцев – сослуживец и доверенное лицо князя Григория Разумовского, первого из клана Разумовских, деда Анны Николаевны. Зайцев связан с нашим родом клятвой верности.

– Клятвой на крови?

– Нет, кровь – это прерогатива только одаренных.

– Ты сказала, первого из Разумовских, – уточнил я несостыковку. – Но ведь Разумовские – это древний княжеский род, – озвучил я смутные воспоминания из истории еще своего мира.

– Разумовские, о которых ты говоришь, – это русский графский род, угасший. Клан Разумовских – это новая знать.

По моему взгляду Анастасия поняла, что понятие «новая знать» мне незнакомо.

– Считается, что даром могут обладать только аристо. Но это не так, – легко усмехнулась Анастасия, – и новая знать – это неофициальное определение для тех, кто в обмен на свой дар

получал титулы. Практически все национальные кланы – это новая знать, браками разбавленная старой аристократией имперских родов.

– Юсуповы-Штейнберг?

– Я сказала, практически все кланы, – снова усмехнулась Анастасия. – Так же как и имперские рода – это старая аристократия, браками разбавленная новой знатью. За редкими исключениями, такими как наш род.

Вдруг над головой что-то звонко и громко треснуло, словно струна лопнула. Оглядевшись, я увидел, что по стене купола поползла тонкая трещина. Пока тонкая. Ну да, на улице лето все же, тает лед. Да и поверхность под ногами начинала понемногу плавать. Видимо, ввихрившийся в реку ледяной смерч, вцепившийся якорем в дно, начинал истончаться, подтаивая и слабее.

– К делу, – протянула мне левую руку Анастасия.

Взглядом показав удивление, я ответил на рукопожатие. – Клятва крови, – произнесла Анастасия. – Ты готов?

– Нет, – покачал я головой. – Мы не...

– Я думала об этом всю ночь, много и не надо. В течение полугода, до третьего марта две тысячи двадцать первого года, или до момента освобождения из-под стражи Анны Николаевны ты поклянешься не действовать во вред нашему роду, даже если я стану его главой, а я поклянусь не предпринимать против тебя никаких враждебных действий и разделить имущество согласно завещанию. Все остальное – это юридические тонкости, в них мы разберемся без силы крови.

– Я не видел завещания.

– А какая разница? Ты же не хочешь забрать больше того, что тебе по нему причитается?

В общем-то неплохой вариант, конечно. Но она права: что мое, то мое, и это я не отдам. А чужое... в этом случае лишний конфликт будет, и не только интересов.

Анастасия смотрела внимательно, я же искал в ее словах подвох.

– Подумай, я не тороплю, – произнесла княжна.

– Я должен поклясться не действовать во вред роду, даже если ты станешь его главой.

– Да.

– Ты поклянешься разделить со мной имущество согласно завещанию и не препятствовать мне как войти в род, так и выйти из него.

Настала очередь Анастасии думать. Все это время наши руки были сцеплены рукопожатием. Ладонь девушки была холодной, как лед. А еще тонкой и изящной по сравнению с моей.

– Да, – кивнула княжна. – Клятва на полгода или до выхода Анны Николаевны из-под стражи.

– И что делать надо?

– Сейчас покажу, – улыбнулась Анастасия. Сразу после стал ясен смысл протянутой левой руки. Княжна вытянула правую к ледяному конусу, и в ее ладони сформировался ледяной кинжал. Даже на первый взгляд было видно, что длинное узкое лезвие необычайно острое – коснись кожи хоть чуть-чуть, как бритва, рассечет.

Анастасия резко опустила кинжал, целясь прямо между наших сцепленных рук.

– Ай! – воскликнула она совсем по-детски удивленно, когда промахнулась. И тут же полыхнувший магией взор уперся в меня, когда она поняла, что это именно я отвел в сторону руку. На меня обрушилась вся гамма чувств, вплоть до подозрений и легкого презрения. Княжна даже мельком подумала, что я испугался боли.

– Подожди, – покачал я головой, напряженно размышляя. – Эти клятвы приносятся ода-ренными?

– Да, – с некоторым раздражением и явным нетерпением произнесла Анастасия. Я понимал ее чувства. Обсуждать можно было долго, но менять подтвержденное решение действительно несколько странно. Вот только повод у меня был для этого вполне серьезный.

– Я одержимый.

Княжна вздрогнула. И, как я хорошо почувствовал, едва сдержалась от того, чтобы не вырвать свою руку из моей и не отпрянуть. На несколько секунд в куполе повисло молчание, разбавленное едва слышным потрескиванием льда. Интересно, сможет княжна поставить защитную сферу, как недавно в дуэли, если весь этот лед на нас рухнет? – мелькнула у меня мысль.

– Неожиданно, – между тем покачала головой Анастасия и все же отошла на шаг, разрывая рукопожатие. – Я не знаю, какие последствия для одержимого будет нести клятва крови. И без этого знания я рисковать бы не стала, – уверенно произнесла она. – Хорошо, что ты сказал... и теперь многое становится понятно, – протянула княжна, задумчиво на меня глядя.

– Что, мы опять в тупике? – усмехнулся я, потирая левую ладонь. Несмотря на то, что ледяной клинок кровь не пустил, кожу неприятно потягивало. Ведь едва-едва кинжал Анастасии не воткнулся в наши сцепленные руки.

– Нет, – покачала головой княжна и левой ладонью сжала длинный узкий клинок. Ледяное лезвие было настолько острым, что даже от такого касания показалась кровь, раскрашивая полупрозрачную поверхность причудливыми узорами.

– Я, здесь и сейчас, на своей крови силой своей стихии клянусь... – произнесла княжна и вдруг резким жестом вырвала из сжатой ладони клинок. Следом за лезвием из сжатого кулака вырвался шлейф крови, но остался висеть в воздухе. Словно жидкость в невесомости. Вот только кровь больше не была жидкостью, превратившись в энергетическую субстанцию, окрашившуюся магическим синим сиянием – точь-в-точь как цвет глаз княжны.

– ...в том, что если ты следующие шесть месяцев или до момента выхода из-под стражи Анны Николаевны будешь действовать не во вред, а во благо нашему роду, я не буду препятствовать тебе в том, чтобы войти в наш род или выйти из него. А также не буду чинить препятствия, если ты решишь забрать то, что тебе принадлежит. Это моя клятва, – закончила Анастасия, и повисшая в воздухе светящаяся субстанция, в которую превратилась кровь, вдруг втянулась обратно в рану. Девушка крупно вздрогнула, глаза ее закатились, и она неловко взмахнула руками, с трудом удерживая равновесие. Я шагнул вперед, подхватив ее, и почувствовал, как княжну кинуло в жар, и она застонала от боли. Испугавшись было, я напрягся – не зная, что делать. Но девушка почти сразу пришла в себя и, обретя ориентацию в пространстве, мягко отстранилась.

Открыв глаза и осмотревшись вокруг осмысленным взором, Анастасия продемонстрировала совершенно невредимую ладонь. После она вновь шагнула ближе ко мне, встав почти вплотную. Ее яркие глаза оказались совсем рядом, и я даже подспудно ожидал чего-то наподобие недавнего поцелуя жизни. Ожидал ошибочно. Анастасия широко взмахнула кинжалом, и стены ледяного купола взорвались ледяной крошкой, исчезая. Мы остались на широкой круглой льдине, остатки стен которой со всплеском падали в воду, словно обрушившийся ледник.

Еще не рухнули в воду все глыбы, как раздался громкий треск, и застывшая дорожка, ведущая к берегу, разломилась на десяток льдин. Поверхность под ногами тут же потеряла твердость, едва накренившись. Ну да, разломилась и подтаявшая за все это время опора.

– Увидимся вечером, – прощаясь, устало кивнула мне княжна. Отойдя на шаг, она коротко разбежалась в два шага и вдруг исчезла, оставив в том месте, где только что стояла, взвесь стремительно тающих снежинок. Телепорт, видел уже такое. Обернувшись, я проводил взглядом материализовавшуюся на берегу княжну. Не оборачиваясь, она уже бежала прочь по утопанной траве полянки, где совсем недавно мы делали вид, что спаррингуем. Осмотрев-

пшсь вокруг, чувствую, как льдина подо мной понемногу начинает плыть быстрее, я оценил сносимую течением разрушившуюся ледяную дорожку.

– Вот с-сучка, – не удержался я от беззлобного комментария, снова скользнув по удаляющейся фигурке княжны взглядом. Но надо было торопиться. Если я не хочу купаться сейчас или путешествовать, как мамонтенок, на льдине, ожидая, пока ее прибуьт поближе к берегу.

Отойдя на пару шагов, к самому краю ледяной площадки, ощутимо качнувшейся под моей тяжестью, рванулсь вперед что было сил, еще и ускоряясь в скольжении. Прыжками перебежав по ближайшим льдинам, понял, что не вытяну – хотя берег и совсем близко. Еще удачный прыжок, а последние метры попытался преодолеть по воде посуху, как знаменитый иудей из Назарета. Он ходил по воде степенно и неторопливо, а я бежал стремительно, но вот у него давным-давно получилось, а у меня нет. Я потерял под ногами опору и погрузился почти по грудь в воду. Но не остановился, а по инерции изобразил БТР морской пехоты, вылетев на берег в туче брызг. Даже на ногах удержался, хотя и заскользили по мокрой траве.

Почувствовав пристальное внимание, поднял взгляд и успел увидеть улыбку на миг обернувшейся Анастасии. Удержав в себе просящиеся комментарии, попрыгал, выгоняя воду из кроссовок, и побежал в сторону усадьбы, сознательно выбрав другую дорогу. Не ту, по которой удалялась княжна – вдруг все же не сдержусь и расскажу ей немного лишнего.

У крыла усадьбы, где я обитал, меня уже ждал Мустафа. Мой растрепанный и мокрый вид комментировать он не стал, лишь едва приподнятой бровью выразил удивление. Одет не для спортзала. Значит выяснил у слуг поместья, где я был и чем занимался.

– Спарринг уже был, я в тренажерку, – вместо приветствия все же сообщил я своему ординарцу.

Мустафа молча пожал плечами, соглашаясь. Но уходить не стал, проследовал за мной в зал. Когда я заказал в принтере новый спортивный костюм и раздевался, закидывая в приемный зев мокрый, сириец подошел ближе.

– Олег, пришла партия от твоего друга из Града.

– И? – удивленно глянул я на сирийца.

– И что мне с ней делать?

Забрав новый костюм из принтера, я взял его в руки и задумался. Решение пришло быстро. Отложил костюм в сторону и заказал в принтере полотенце.

– Я-то откуда знаю? – пожал я плечами удивленно. – Продавай, утилизируй, друзьям подари. Мне без разницы, я за это не плачу. И вообще случайно получилось.

Насухо обтерся полотенцем, выкинул его обратно в принтер и только после принялся одеваться.

Мустафа глубоко вдохнул, выдохнул, а после терпеливо покачал головой.

– Меня отзывают.

– Да ладно? – замер я с поднятой в руках футболкой.

– Да, – просто кивнул сириец. – Практические тренировки у тебя теперь с Андре, так что надобность в моем присутствии отпала.

– Андре из вашей конторы?

– Какой такой конторы? – продемонстрировал наивное удивление Мустафа.

Вот так вот значит. Мда. Ясно все с ним, вот и поговорили.

– Фон Колера не отзывают, случаем? – поинтересовался я на всякий случай.

– Я-то откуда знаю? – вернул он мне и фразу, и интонацию. – Олег, у меня сейчас веществ на три виселицы и два пожизненных. Надо решить, что с ними делать.

– Так реши, – рывком надел я футболку и посмотрел в глаза Мустафе. – Вы решили меня использовать в протекторате, я решил использовать вас. Вещества мне не нужны, придумай сам, что с ними делать. Если не можешь, Демидова спроси. Все, закончили разговор, – не забываясь о чувствах собеседника, произнес я, направляясь к тренажерам. Но почти сразу обернулся.

– Вызови такси на половину восьмого, – попросил я сирийца. Он, подарив мне на прощанье выразительный взгляд, направился прочь.

Пока проводил три серии упражнений, думал о причинах того, почему Мустафа уходит. Что это значит, с чем связано?

Андре – это наемник, но наемник скорее всего имперский, не конфедерат. Инструктор сослуживец отца Валеры, а сам Валера принц. Это значит все, я теперь без крыши ФСБ? Или они просто отошли в сторону, потому что рядом появилась рыба покрупнее – вспомнилась мне почти сразу же коробка с вензелями и банан внутри, который я сожрал с особым цинизмом. Или не они отошли, а их отошли?

Герцогиня Мекленбург разговаривала со мной «по-родственному». Юсуповы-Штейнберг – имперский род, который сейчас находится в самом сердце бури, пока обманчиво спокойном. Да и Анна Николаевна арестована Третьим отделением, а это все в совокупности вполне может означать, что мое дело полностью перешло под контроль императорских служб.

Получается, что именно ФСБ вела меня с самого рождения, а сейчас им сказали до свидания. Если я, конечно, прав в том, что контору отодвинули в сторону. И если это так, то произошедшее для них довольно ощутимый щелчок по носу. Эх, знать бы еще, как этим воспользоваться себе во благо...

Быстро завершив комплекс силовых, я сполоснул голову водой из бутылки и, не обращая внимания на текущие под футболку струйки, направился в комнату. Здесь никого не было, зато присутствовали следы чужой деятельности – прибрано, на столе готовый завтрак, на заправленной кровати уже напечатанный костюм гимназиста. Зоряны рук дело, наверняка. До этого момента ни прислуга, ни Мустафа, несмотря на формальную должность ординарца, не утруждались подобным.

Позавтракав и одевшись, я выскочил на улицу. Из-за готового завтрака и костюма получилось немного раньше, чем обычно, поэтому оказался на площадке подъездной аллеи усадьбы в гордом одиночестве. Справа вскоре показалось движение, и, обернувшись, увидел широкий автомобиль, степенно выкатывающийся из ворот поместья. На капоте проехавшей мимо машины был закреплен флажок с пламенеющим гербом Юсуповых-Штейнберг. Не такой большой, как видел на лимузине князя Власова, поскромнее. Зато в черно-золотой окантовке, означающей принадлежность к имперскому роду.

Стекла автомобиля были наглухо тонированы, но я почувствовал, как Анастасия помала мне с заднего сиденья, заметив. И, как показалось, даже послала воздушный поцелуй. Издевается. Понятно, что подвозить меня – давать лишнюю пищу для слухов, но могла бы и... «Когда дела совсем плохи, остается только смеяться», – по наитию освободив голову от лишних мыслей, направленнно подумал я, провожая взглядом машину. Держи подарок, милая девушка. Надеюсь, услышала и все поняла.

На безобидную подколку с ее стороны не обиделся. Ни тогда, когда пришлось искупаться, ни сейчас. Понятно, что мы с ней временные союзники, и скоро наши пути должны разойтись. И как бы не противниками стать после этого, ну а пока в одной лодке. Причем она в эту лодку села не по своей воле, и ей только и остается, что тешить себя незначительными каверзами. Детский сад, конечно, но факт.

Широкий черный автомобиль, удаляясь из зоны видимости, на повороте разминул с подъезжающим такси. Провожая взглядом машину с княжной, я вдруг подумал о том, что мне неплохо бы обзавестись своим транспортом. Надо будет придумать, как это сделать, чтобы после первого совершеннолетия уже занять свою четырехколесную повозку.

В гимназии, на удивление, весь день вокруг меня все было тихо и спокойно. Лишнего внимания не наблюдалось. Перешептываний и попыток как-то зацепить или просто поговорить также не было. Даже четверо одноклассников-одержимых ярко выраженного интереса ко мне не проявляли – просто поздоровались и разошлись по местам.

В сегодняшнем расписании, кроме обязательных предметов, у меня стояли и История религий, и Новая Физика, рекомендованная к посещению фон Колером, поэтому день прошел быстро. Единственное заметное событие, кроме с трудом перевариваемого объема знаний, это обед, в ходе которого ко мне присоединилась Анастасия. Просто посидели вдвоем за одним столом, просто пообедали. Даже слова друг-другу не сказали. Но внимание привлекли, сдержанное.

Вечером, подходя к малому полигону, встретил по пути сначала Модеста с Эльвирой, а после Илью с Валерой. Надежда, как оказалось, была уже на месте, как и Андре. Причем не на старом месте, на минус третьем этаже, а встретили мы их сразу у входа, в холле. Инструктор сегодня был не в песочной форме, похожей на городской тактический костюм бойца ЧВК, а в наряде, напоминавшем функциональные комбинезоны конфедератов. Только расцветка не камуфляжная, а бело-серо-черная. Подобные наряды, насколько я знал (памятью Олега), носили пилоты боевых машин или гвардейцы под мобильными доспехами.

– Переодеваемся, – показал нам Андре на двери разнесенных по сторонам раздевалок, женской и мужской.

В быстром темпе переодевшись – как оказалось, такие же наряды оказались готовы для всех членов команды, – мы выстроились в шеренгу перед Андре. Он осмотрелся по сторонам. Холл малого полигона был почти пуст, но несколько гимназистов и сотрудников обслуживающего персонала по сторонам паслось. Андре жестом поманил нас за собой, и мы трусцой выбежали из холла, углубляясь в парк гимназии. Я за это время успел подумать о том, что завтра пятница. А это значит, что послезавтра начинаются выходные, а у меня под свободное время уже есть много дел. И в протекторат надо бы, к Халиду в гости, да и активы княжеского рода изучить не мешает. Пока строил планы, мы выбежали на небольшую полянку, где Андре нас остановил. Уже привычно выстроив в шеренгу, оглядел всех поочередно.

– Тренированного человека от обывателя можно отличить с одного взгляда. Осанка, походка, уверенная точность и быстрота движений. Это можно назвать одним словом – грация. Опасная грация. Вы – подготовленные, это заметно сразу. Красавчики, – с выражением произнес инструктор. – И красавицы, – кивнул он и Эльвире с Надеждой. Андре произнес это искренне и с выражением. Вот только был это отнюдь не комплимент, а просто констатация факта.

– Вы все хорошо подготовлены. Но есть проблема. Вы привыкли к тотальному превосходству, и мне надо это исправить. Голодный волк не всегда побеждает сытую собаку, но при прочих равных шансов у него больше. Моя первая задача сейчас – превратить вас в голодных волков. Волка ноги кормят, так что попрыгали, побежали, – завершил краткий спич Андре и, развернувшись, легким бегом направился к границе парковой зоны гимназии.

– Далеко бежим, Хефе? – поинтересовался Валера, догоняя инструктора.

– Вопрос не расстояния, а выносливости, Валера. Пока бежим до заката, а дальше посмотрим.

Глава 5

– Господи, как же вы... мне все дороги! – обреченно выдохнув, посмотрел я в темное небо.

Времени на сон даже с учетом отмененной утренней тренировки оставалось всего пару часов, и каждая отнятая минута сейчас воспринималась как оскорбление.

– Господин Артур, что мне сказать гостю? – предупредительный слуга поместья, встретивший меня прямо на воротах, выглядел показательно свежо и бодро. Лишь чуть покрасневшие глаза выдавали проведенную без сна ночь. Ну да, явившегося ко мне гостя просто так не выгонишь, поэтому меня тут со вчерашнего вечера ждут.

«Сказать, что он мне здесь и сейчас совсем не нужен!» – примерно так в приличном виде выглядел подсказанный внутренним голосом ответ. Но я сдержался, не озвучил, хотя и хотелось.

– Пять минут, Томми, – ответил я и, заскрипев, как старый дед, быстрым шагом направился к белевшему поодаль в предрассветном сумраке корпусу усадьбы.

Когда зашел в комнату, Зоряна заполошно вскочила с кресла, непонимающе осматриваясь вокруг. Девушка была полностью одета и явно заснула, ожидая меня. Сморгнув мутную пелену сна, она наконец сфокусировала на мне взгляд и испуганно ойкнула. Ну да, видок тот еще – грязь и кровь. Последней немного, но на белых вставках комбинезона заметно ярко и кричаще. Моментально сбросив остатки сонливости, Зоряна подбежала ближе, но я успокаивающе поднял руку.

– Все нормально, царапина, – и, еще раз отмахнувшись, направился в ванную. – Костюм спортивный напечатай, пожалуйста.

Быстро приняв контрастный душ, оценил повреждения. Ничего серьезного, просто глубокая царапина на скуле. Уже на выходе из леса рассадил о звенящую от сухости острую ветку – был настолько усталый, что смотрел кино из красных мушек перед глазами и не думал ни о чем, кроме следующего шага.

Обмотавшись полотенцем и выскочив из ванной комнаты, вынес с собой и выданную Андре форму. Запихнул ее в сканер, выбрал в меню пункт сохранить копию, чтобы распечатать после новый костюм, но практически мгновенно увидел оповещение:

«Сканируемые предметы одежды являются собственностью Армии Российской Конфедерации. Копирование невозможно».

Неожиданно.

– Зорь, ее постирать и высушить надо, желательно к обеду, – достал я из принтера грязный костюм. Зоряна несколько удивилась, но кивнула без комментариев. Все же она из протектората, где стирка вещей, вместо переработки с печатью новых, вполне привычное дело. Когда девушка деликатно отвернулась, я переоделся и направился в холл. Думаю, гость ждет меня там.

Не ошибся.

Визитер, ожидавший всю ночь, при моем появлении явно заволновался и даже поднялся, нервно сжимая и разжимая кулаки. Я только вздохнул. Ну вот нужен он мне сейчас сильно. Но за ворота не отправить, приличия не позволяют. А если пойти спать и заставить дальше ждать, будет выглядеть совершенно ненужной издевкой. Неправильно это, как мне кажется.

– Здорово... – поздоровался я по-свойски и тяжело присел, почти свалился на диван. Несмотря на постепенно возвращающиеся силы и бодрящий душ, усталость все же дает о себе знать.

«Здорово, как там тебя», – добавил мысленно. Помню только фамилию, а имя вот забыл совсем. Тоже на «А» что-то, вроде Андрей или Артем, но могу ошибаться.

– Здравствуй, – чуть дрогнувшим голосом произнес визитер, присаживаясь. Устроился на краешке дивана с прямой спиной, словно кол проглотил, подбородок вызывающе вздернут. И вообще господин Аверьянов – забыл я, как его по имени, – гимназист третьего года обучения, adept воздушной стихии, выглядел напряженным, как струна. Ну да, если сам глава клана приезжал за перстнем и уехал ни с чем, явно юноша выхватил себе проблем. И произошло это, как он сам сейчас озлобленно думает, из-за непонятного типа с запятнанной репутацией.

Понятно, что отступил князь Власов не из-за моей озвученной угрозы, а из-за явной демонстрации фон Колером надо мной покровительства. И пусть у барона репутация тоже подмочена, по его же словам, такие люди, как глава не последнего в стане клана, точно знают о тесной связи фон Колера с императорской канцелярией, с которой ссориться себе дороже. Причем уверенно могу предположить, что досадно главе клана должно быть и оттого, что обо мне информации немного. Я ведь могу оказаться как фигурой, так и распоследней пешкой. Этот факт князя, не рискнувшего забрать у меня перстень члена своего клана, также наверняка не оставляет равнодушным, что точно отразилось на душевном равновесии прибывшего ко мне гимназиста.

Пока я оцениваю размышлял, Аверьянов крупно вздрогнул – Анастасия, одетая в элегантный деловой костюм, подошла уже совсем близко. Видимо у слуг было указание разбудить и предупредить княжну, когда я приду и буду готов к разговору с гостем. Для визитера появление девушки оказалось сюрпризом, я же появление нового участника нашей утренней встречи заметил уже давно, стоило девушке только показаться на галерее второго этажа. Потому и молчал, ожидая, пока она подойдет.

Анастасия приветствовала меня легким кивком и села на боковину кожаного дивана, на котором устроился Аверьянов. Закинув ногу на ногу, Анастасия обманчиво ласково посмотрела на гостя, а он стал себя чувствовать еще более неуютно. Ведь теперь, чтобы видеть наши взгляды, ему приходилось крутить головой.

Присмотрелся к княжне и я. Девушка была в деловом наряде, подобном тому, в каком я видел ее в день, когда арестовали Анну Николаевну. Аверьянов также в костюме, один я тут в неформальном виде. Но сильно не переживал по этому поводу. У меня причина есть, имя которой – Андре Смирнофф. Ладно, пора уже к делу переходить – посмотрел я на визитера.

– Меня зовут Артур. Волков. Если ты не знал.

Говорил я короткими предложениями, ожидая, пока гимназист представится сам. Но он либо не очень умный, либо просто переволновался, явно не понимая, чего от него жду.

– А тебя зовут... – уже прямо спросил я, утомившись делать вид, что деликатен и тактичен. Эмоции Аверьянова после моего вопроса оказались непередаваемы. Бурная смесь самых разных чувств, от удивления до обиды.

– Подскажи, как тебя зовут, я действительно не помню, – негромко сказал я, глядя в серые глаза светловолосого парня. Еще один взрыв эмоций, гораздо ярче. Похоже, после первого вопроса он посчитал, что его банально пытаются поддеть. О том, что я не запомнил его имени, он, судя по реакции, даже мысли не допускал.

«Ты вот сейчас серьезно?» – хотел было спросить его вслух, но все же сдержался. Демонстративно поджав губы, выразительно посмотрел на Анастасию. И еще раз удивился. Почувствовал очередное откровение: княжна пришла не на деловой разговор, а на экзекуцию. Ей от Аверьянова ничего не было нужно, она хотела просто насладиться унижением человека, посмеявшегося ей грязно оскорбить прилюдно.

В другой ситуации я бы ей такой возможности, наверное, не дал. Но наивное возмущение Аверьянова тем, что я могу действительно не помнить его имени, поменяло мои намерения.

– Представь, что ты стоишь на углу оживленной улицы, – посмотрел я в блекло-серые глаза гостя. – А теперь подумай о том, что тебя там нет. Вообще нет, в этом мире. Идут пешеходы, ездят машины, открываются двери магазинов, транспорт забирает пассажиров с остано-

вок. Люди как жили без тебя семьдесят тысяч лет, так и будут жить, даже не заметив твоего исчезновения. Подобное непросто осознать, но сделать это необходимо, тем более тебе...

Мне здесь хорошо – могу философом казаться самым настоящим, а не эрудитом с богатым грузом чужих мыслей и цитат. Вся память непржитого в этом мире века моими личными изречениями станет, и на чужое авторство никто не укажет и не оспорит.

Анастасия, пока я упивался перспективами того, насколько могу поражать всех глубиной мышления, внимательно смотрела на Аверьянова, покачивая ногой и внешне никак не выказывая свои чувства. Но по ее эмоциям и блеску глаз я понял, что попал в точку – княжна просто хотела размазать посмеявшегося поднять на нее лапу наглеца. И, наверное, если бы этого не начал делать я, взяла бы происходящее в свои руки. Но я не забыл, как купался недавно в речке, так что не преминул пустить шпильку.

– You know, Stacy, – отвлек я княжну, – there`s one thing I learned in all my years. В компьютерных играх не зря разделяют интеллект и мудрость...

Анастасия коротко глянула на меня. Обращение по-английски, вопреки просьбе, не слишком ей понравилось, как и рассчитывал. Но пусть скажет спасибо, что не назвал ее «Nasty». Что в переводе не очень благозвучно. Подмигнув княжне, я продолжил:

– Интеллектом наш гость, возможно, и не обделен, а вот мудрости ему не подвезли. Понимаешь... – я говорил, обращаясь только к княжне, и не обращал внимания на Аверьянова, который пытался что-то сказать, чтобы меня перебить, но не мог пока придумать что.

– ...он ведь думал, что весь мир крутится вокруг него. Очень странный человек. Там, где я вырос, подобное у детей обычно проходит после того, как их перестают кормить с ложечки. У других людей, в более благополучных местах, это приходит с опытом, на основе которого мудрость и приобретается, – посмотрел я в глаза светловолосому парню и, сменив тон, произнес жестко: – Объективной реальности абсолютно наплевать на твое мнение, как бы ты ни был в нем уверен. И да, я действительно забыл твое имя, потому что у меня достаточно других проблем, чтобы запоминать каждого бросившегося под колеса оленя на своем пути. Так как тебя зовут, господин Аверьянов?

– Антон, – ощерился юный маг-воздушник. Еще сильнее обиделся, похоже.

– Точно, Антон, – озарением вспомнил я его имя. – Так зачем ты сюда пришел, Антон?

– Я хочу вернуть перстень.

– А я хочу сорок три миллиона долларов, английскую принцессу и щенка питбультерьера.

«Извращенец», – очень отчетливо услышал я в голове и резко повернулся, глядя на Анастасию.

– Ой, слишком громко, да? – извиняющаяся, но безо всякого смущения произнесла княжна. Мне кажется, она чему-то после моей последней фразы разозлилась, но я не понял чему. Может, действительно грубовато себя веду, надо совсем уж берега не терять.

– Антон, – повернулся я к гимназисту и резким жестом пресек его встречную фразу. – У меня вчера, и сегодня ночью...

Не удержавшись, я зевнул, прикрывая рот рукой. Все же ночной марш-бросок по лесу в отличие от утренней тренировки совсем не бодрит.

– ...было много важных дел. И еще позавчера я вроде как решил вопрос с главой твоего клана, что за перстнем должен прийти тот, кто...

– Меня изгнали из клана, – все же собрался с силами и перебил меня Аверьянов.

– И? – непонимающе взгляделся я в светло-серые глаза, едва подсвеченные магическим сиянием. – Я сейчас должен тебе посочувствовать?

– ... – он только ртом хлопнул, не найдя, что сказать.

Но молчание Аверьянова оказалось красноречивее слов. Начинающий маг действительно думал, что я ему посочувствую и верну перстень. Сказочный персонаж, и это начинало утомлять. Вздыхнув, я на мгновение прикрыл глаза. Подумал о том, что сглупил. Надо было оставить

его ожидать до обеда и не напрягаться. Но кто же знал, что этот одаренный юноша настолько идиот?

Воистину, не стоит недооценивать предсказуемость тупизны. Я вышел разговаривать с серьезным человеком, а передо мной сейчас сидит юная обиженная истеричка. Причем у него наверняка сейчас еще внутреннее непонимание. Потому что он подспудно считает, что я не только виноват в произошедшем, но еще и должен ему что-то.

На меня накатила тянущая тоска – а ведь мог сейчас сладко спать свои законные несколько часов, а вместо этого вынужден тратить время (свое время!) на этого идиота. Резким жестом прервав вроде что-то родившего сказать Антона, я звучно выдохнул сквозь зубы.

– Я тебе русским языком сказал, что жду за перстнем того, кто дал тебе команду попытаться меня высмеять прилюдно. Кто это сделал?

– Я не понимаю, о чем ты, имело место недоразумение...

Кольцо Аверьянову я и так не собирался отдавать, если честно. Даже если бы он назвал фамилию того, кто дал команду фас. Потому что подлинность этой информации для меня непроверяемая. Ну скажет он, что получил команду от Разумовских. Как я это проверю? Вот если бы сами Разумовские явились за кольцом, или Власов бы перстень забрал, тогда все стало понятно. Хотя даже так не со стопроцентной уверенностью. Но вот то, что Аверьянов придет и будет строить из себя невинно пострадавшего, я даже и помыслить не мог. Слишком я его переоценил, размышляя как о взрослом – ему ведь, на третьем курсе, уже восемнадцать или девятнадцать. Стихийей уже повелевает, а умом пока не владеет.

– Вот так вот, значит? – протянул я.

– Именно так, – обрета некоторую долю уверенности, ответил юный одаренный. – Ты понял меня превратно. Я вовсе не хотел тебя как-то оскорбить, и готов свидетельствовать об этом и даже принести извинения перед коллегией...

– Заткнись, будь добр, – невежливо перебил я гостя. Глаза его вспыхнули. От неприкрытой грубости он явно оказался на грани срыва. Но воспоминание треска ломаемых костей наверняка подсказывало, что силовые аргументы для него сейчас не лучшее решение.

– Ты пришел сюда, чтобы пожаловаться мне на свою тяжелую судьбу и забрать свое кольцо. Несмотря на то, что я конкретно сказал, кому готов его отдать. Ты совершил ошибку и, мало того, – отнял мое время. Перстень я тебе не отдам, можешь проваливать прямо сейчас.

– Ты что, не понимаешь? – дрожащим от напряжения голосом произнес Антон. – Меня выгнали из клана, я теперь никто. Ты лишил меня всего!

– И... – не очень уверенно протянул я, глянув на Анастасию. Княжна едва заметно пожала плечами. Изумления сродни моему она не испытывала и довольно спокойно отнеслась к просьбе Аверьянова вернуть перстень. Который, насколько понимаю, ценен для каждого одаренного ничуть не менее, а может даже и более, чем для воинской части боевое знамя. Судя по всему, исключение из клана действительно настолько печальная история, что это должно было меня разжалобить и удовлетворить. Вот только почему-то не разжалобило и не удовлетворило.

– Отлично, – перевел я взгляд на гимназиста. – Я лишил тебя всего. Кто в этом виноват, я?

– Это сделал ты! Из-за тебя все произошло... – с ярко выраженным гневом произнес Аверьянов, повышая голос.

– Встать! – рявкнул я так, что гимназист неожиданно для самого себя вскочил на ноги. К моему удовлетворению княжна тоже дернулась, хотя и осталась на месте. Поднявшись сам, я подошел к визитеру и довольно невежливо ткнул пальцем ему в середину груди.

– Дружище, всем нам... наплевать и на тебя и твои проблемы. Экскьюз муа, мон шер ами, – показывая, что не совсем варвар, кивнул я княжне извиняющеся. Попытавшись сохранить невозмутимость, она все же не выдержала и отвернулась, пряча смешинку в глазах. Я же вновь посмотрел на утреннего просителя: – Я тебе сказал, что по средам не подаю? Так я по

пятницам тоже не подаю. Это понятно? А если ты еще раз посмеешь вякнуть на полтона выше шелеста травы, зубами подавишься. Ты меня понял, чебурашка?

Судя по вздернутой брови Анастасии, Чебурашку здесь не знали. Но яркое слово ей понравилось, как может искренне понравиться боярыне простая и незатейливая уличная забава.

– Только из-за законов гостеприимства ты сейчас еще при памяти и с целыми костями. Это, надеюсь, тебе тоже понятно? – продолжал между тем я, в конце повывисив голос.

Аверьянову мое обращение не понравилось. Он торопливо отошел на два шага и встал в защитную стойку, а кисти рук его окутало серой взвихрившейся пеленой. Блеснули глаза Анастасии, и в воздухе буквально зазвенело напряжение магии. Княжна, настороженная, как готовая к атаке хищница, соскочила с дивана.

– Ты это серьезно? – поинтересовался я у Аверьянова, взглядом показав на клубящееся свечение вокруг его кистей. – Или выключишь, или тебя отсюда похоронная бригада вынесет. У тебя три секунды на размышление.

В тот момент, когда я уже наблюдал на периферии зрения серые всполохи – верный спутник скольжения во времени и пространстве, Аверьянов опустил руки и отступил на шаг.

– Поздравляю. Опытным путем мы выяснили, что ты не совсем идиот, как рекомендовал себя за предыдущее общение. Но я тебя все же откровенно не понимаю, – негромко произнес я и снова перевел взгляд на Анастасию. – Ваше сиятельство, подскажи, каковы последствия для юного одаренного после того, как его выгоняют из клана? Безотносительно нашего гостя, я для общего развития спрашиваю.

– Будучи изгнанным из клана, зачисленный в учебное заведение одаренный может продолжить обучение вплоть до самого выпуска, это право даровано владельцам уложением Стихийного пакта. После этого у изгнанника будет выбор. Попытаться войти в чей-то род или клан, либо попробовать поступить на императорскую службу в гвардию, либо заглушить свой источник.

– Ты так сказала, попытаться... Это непросто?

– Безотносительно нашего гостя если, то непросто, но выполнимо. Если говорить конкретно о господине Аверьянове, то ему это будет более чем непросто, – Анастасия говорила неторопливо, смакуя слова. Видимо, ей не то что понравился, а и вовсе привел в тихий восторг мой предложенный прием обсуждения собеседника в стиле, будто его здесь нет.

– Несомненно, господин Аверьянов будет вынужден перейти на другой уровень жизни, – продолжала княжна. – Непривычно низкий уровень, кроме этого, ему будет непросто с однокурсниками. Учитывая же обстоятельства его изгнания из клана – что произошло вследствие его непроходимой глупости, – из реальных перспектив у него лишь элиминирование своего источника либо совсем уж незавидное положение шакала-подпевалы в сильном клане, если его кто-то все же решится подобрать. Впрочем, подобным господин Аверьянов и занимался совсем недавно, думаю ему не привыкать.

Анастасия, закончив фразу, мило мне улыбнулась. Но явно напряглась. Потому что копящуюся агрессию белесого визитера мог почувствовать даже тот, кто в отличие от меня ментальными способностями не обладает.

– И самое главное, – вбила последний гвоздь Анастасия. – Если господин Аверьянов сегодня уйдет из усадьбы без своего перстня, то его репутация, и так находящаяся на уровне брусчатки привокзальной площади, будет уничтожена совсем.

Кивком поблагодарив княжну, я задумался. Пока она говорила, наслаждаясь моментом изощренной насмешки над промахнувшимся пересмешником, меня вдруг озарила невероятная на первый взгляд идея. Показавшаяся сначала забавным вывертом сознания, утомленного недосыпом и ночным марш-броском. Но по мере размышлений я понемногу строил весьма интересную конструкцию. И пусть похожа она на виртуальный карточный домик, но в случае

успеха я могу сорвать очень и очень неплохой куш, решив сразу несколько зудящих на втором плане вопросов, которые обязательно необходимо закрыть.

Вещества на хранении у Мустафы, необходимость выполнить обещания Халиду – по поводу заказавшего его брата Уэлча; судьба Анжелы Шиманской, которую молодой сириец должен «убить», если еще не «убил»; недавний визит в протекторат, в ходе которого Мюллер продал меня аравийцам...

– Антон, – произнес я и замолчал.

Повисла тяжелая пауза. Аверьянов так и продолжал стоять, терпеливо ожидая, а я думал.

– У меня есть старый друг, – наконец окончательно сформулировал я первый шаг. – Он работает в ФСБ, и сейчас не очень успешно делает вид, что исполняет обязанности якобы моего ординарца. И этот мой друг, работающий в ФСБ, вынужден срочно по приказу сверху покинуть Елисаветград. Вот только здесь у него остается незавершенный business.

– Business, – поправила меня Анастасия, произнеся слово на французский манер, с ударением на последний слог.

– Business, – согласился я с ней, исправившись.

Я сознательно использовал это слово, произнеся его на английском. Не знаю, как здесь, но в моем мире на русском оно тождественно деятельности, направленной на получение прибыли. В английском же это более широкое понятие, которое означает вполне обычные дела, не только предпринимательство.

Вот и у Мустафы остаются вполне обычные дела. Просто лежат где-то вещества на три виселицы и два пожизненных, и с ними надо решить вопрос. С этим Аверьянов моему старому другу и поможет.

Чувствуя, как по виску стекает капелька пота, я раз за разом прокручивал появившийся вариант решения. Понимая при этом, что сейчас готовлюсь ступить на очень тонкий лед, и необходимо обращать внимание на любые мелочи, вплоть до определений. Аккуратней надо быть, а то вдруг и слепок души может не спасти. Но мне по-другому никак. Спасибо Андре, подсказал, хоть и сам того не ведая. Если буду готовиться к тому, чтобы отражать удары лицом, хорошего ждать не стоит.

– Так вот, Антон, – снова заговорил я после очередной тягучей паузы. – Мой друг очень просит завершить его дела здесь, в Елисаветграде. Сам я сделать этого не могу, и ты должен мне в этом помочь. Сделаешь – я верну тебе перстень.

– Но...

– Но тебе надо решить вопрос в ближайшее время, иначе бла-бла-бла, – согласно покивал я. – Это вопрос максимум недели, просто не появляйся пока в гимназии и вообще в обществе. До понедельника поживешь здесь, там видно будет. Ваше сиятельство, ты же приютишь так трагично промахнувшегося мимо цели пересмешника?

Анастасии не очень понравился мой тон, но за показательное унижение Аверьянова она точно была мне благодарна, поэтому благосклонно кивнула.

– Жди, дружище. Я тебя найду, – поднялся я, с трудом сдерживая накатившую зевоту. Боже, кровать, чистое белье и сон от меня всего в минуте ходьбы, но уже недостижимо далеки. С таким же успехом могли находиться в другой галактике. Все равно сегодня ни сна, ни кровати с чистым бельем мне уже не видать.

Аверьянов в смятении поднялся следом за мной. Было видно, что с перспективой он не согласен и собирается сообщить мне об этом, но я успел первым.

– Дверь там, – показал я ему в сторону выхода. – Если не хочешь помочь моему другу разобраться с делами, избавь нас от своего общества.

– Я помогу, – поиграв желваками, произнес Аверьянов. Если бы взглядом можно было убивать, меня бы сейчас в ключья разметало. Странные люди – винить других в своих неудачах. Но так часто бывает, я с этим давно смирился и уже не переживаю, сталкиваясь.

– Аста ла виста, амиго... – воздушным жестом попрощался я, разворачиваясь. И за секунду до того, как сделать шаг, замер, ощутив направленные чувства и эмоции Анастасии.

– Артур, – окликнула меня княжна.

– Да? – не оборачиваясь, просто оглянулся я. Спокойно спросил, несмотря на kloкотавшее внутри раздражение. Маховик завертелся, и сейчас мне уже надо было очень спешить.

– В холле ожидает господин Кальтенбруннер, у него к тебе безотлагательное дело.

Все же полностью обернувшись, я тяжелым взглядом посмотрел княжне в глаза. Словно спрашивая, действительно ли дело настолько безотлагательно, что на утренней заре я должен переться в холл и выслушивать управляющего помещьем. Анастасия спокойно выдержала мой взгляд, а чуть погодя кивнула, еще и прикрыв веки для убедительности. Мол, дело действительно серьезное.

Это не было шуткой юмора – понял я по ее эмоциям и, еще раз мысленно чертыхнувшись, направился в холл. Здесь меня действительно ожидал Кальтенбруннер с весьма довольным видом. Высокий и худой, словно жердь, управляющий по-прежнему относился ко мне покровительственно-небрежно, как и раньше. Судя по всему, я для него так и оставался невнятным приживалой, а первоначально, считав показательное презрение ко мне Анны Николаевны, он сделал выводы и уже не собирался их пересматривать. И, насколько понимаю, о нашем плотном общении с княжной за последние несколько дней он был даже не сильно в курсе. А если даже и знал, то не придавал серьезного значения. Потому что брошенный на меня взгляд нельзя было трактовать никак иначе, как пренебрежительный.

Бывает, тем сильнее расстроится, узнав об ошибке. Я подожду. Ему еще за Зоряну должен, которая жаловалась на него.

– Голубчик, во дворе вас ожидает полицейская карета, будьте добры выйти и дать объяснения господам из жандармерии.

Я не совсем понял, почему карета полицейская, а давать объяснения необходимо жандармам. Но спросил о другом.

– По какому поводу прибыли господа жандармы?

Кальтенбруннер, видя мое напряжение, специально выдержал долгую паузу, явно наслаждаясь тем, что может действовать мне на нервы. Я приготовился было попросить ответа у управляющего усадьбой более убедительно, но он, видимо, что-то увидел в моих глазах и заговорил торопливо.

– Господа жандармы прибыли по сигналу: в прет-а-порте принтере, расположенном в вашей комнате, сегодня утром была произведена попытка печати формы, принадлежащей Армии Российской Конфедерации.

– Й-й-й... – сдержал я ругательство. Интересно, это я такой недалекий в плане знаний, что так ошибся, или остальные члены команды тоже встряли подобным образом?

Задумавшись на пару мгновений, я оценил обстановку. Штурмом усадьбу никто не берет, Кальтенбруннер достаточно спокоен. Не считая злорадства, конечно, по поводу моих проблем. Господа жандармы ждут, внутрь не заходят – княжеская усадьба все же, вежливо себя ведут.

Если я сейчас выйду к ним, костюм придется отдать, потому что объяснение «мне его дал поносить инструктор Андре Смирнофф» перед законом как право владения армейским имуществом не проканает. А если я появлюсь на сегодняшнем занятии без выданного костюма? Тем более если жандармы составят акт изъятия и направят его в гимназию? Проблемы с инструктором гарантированы. «К гадалке не ходи», как говорил Гена Бобков, а Гена Бобков говорил в основном дельные вещи.

– Господин Кальтенбруннер, будьте любезны, ступайте к господам жандармам и развлеките их беседой, угостите кофеем. Считайте это приказом Анастасии...

«А как ее по отчеству?»

«А черт ее знает».

– ...считайте это приказом ее сиятельства княжны Анастасии, – после краткого мысленного диалога закончил я, разворачиваясь и стремительно удаляясь. Кальтенбруннер после моего пассажа остался стоять в настолько смешанных чувствах, что даже вслед мне ничего крикнуть не успел. Я усмехнулся его эмоциям и сразу отчество княжны вспомнил. Анастасия Юрьевна она.

В каких апартаментах обитал Марат Садыков, я знал, но пришлось еще постучать, чтобы разбудить забытого здесь командованием, случайно или сознательно, офицера Сил специального назначения Армии Конфедерации.

Судя по виду, господин поручик не спал. Ну да, время ближе к шести утра, а у него служба и режим. Я несколько раз замечал его возвращающимся с пробежки, когда сам на нее выбегал.

– Господин поручик, у меня к вам есть безотлагательное дело, – сходу взял я быка за рога. – Я слышал, вы интересуетесь нумизматикой, а у меня завалилось несколько золотых монет, ценность которых никак не могу определить с точностью. Поможете? Готов преподнести в дар несколько чеканных монет за оказанную помощь.

Несколько секунд потребовалось Садыкову на то, чтобы понять, что я вообще от него хочу, но после поручик усмехнулся понимающе.

– Рассказывай... те, господин гимназист.

Кратко изложив предысторию тренировок с Андре, я рассказал Садыкову суть проблемы и попросил помочь с жандармами. Подумав немного, офицер кивнул и направился к выходу – как был, в спортивном костюме. Переговоры завершились довольно быстро. Я стоял поодаль, но поджатые губы и недовольные выражения лиц жандармов оценил.

Почти сразу хлопнули двери, и машина в серо-зеленой расцветке военной полиции развернулась на подъездной дорожке. Обиженно скрипнув гравием под колесами, автомобиль с жандармами поехал к воротам, быстро удаляясь. Когда стоп-сигналы вспыхнули перед начавшими открываться въездными воротами, на крыльце появился Кальтенбруннер в сопровождении кухонного работника с подносом, на котором стояла пара чашек.

Я подхватил одну, глотнул и сообщил управляющему, что кофе у него не очень. После догнал уже отправившегося на пробежку Садыкова и сунулся было с благодарностями, но он только отмахнулся и сообщил, что если у меня будут впредь проблемы с жандармами, чтобы обращался не думая. Пока глядел поручику вслед, у меня вдруг сформировалась очередная, кажущаяся гениальной с недосыпа, мысль, но с ней я решил пока подождать.

Дел и без новых идей было много. Сначала нашел и разбудил фон Колера: проявив чудеса иезуитской изобретательности, смог получить у него адрес Андре. После отправился на поиски Мустафы, переживая, как бы он уже не покинул усадьбу по-английски, не попрощавшись. К моей удаче, Мустафа был еще здесь, и по первому впечатлению поймал я его буквально на чемоданах. Но после понял, что волновался зря. Перед носом он бы точно не уехал, потому что именно меня как раз и ждал.

– Олег, надо что-то решать с... – начал было сириец, которого явно напрягала полученная посылка из протектората.

– Все решим, – прервал я своего старого знакомого. – У тебя где лежит, в поместье или в городе?

– В городе, я тебе сейчас...

– Закладка в тайнике на улице, или в квартире?

– В отеле на Пашутина...

– Мустафа, – вновь прервал я сирийца. – Это совсем не мое дело, и, более того, мне это абсолютно не интересно. Я нашел того, кто тебе поможет с проблемой...

– Мне поможет? – изумленно глянул на меня сириец.

– А кому? – удивился и я. – Ваша наркота, мне она вообще ехала-болела, только из уважения к тебе впрягаюсь, – позволил я себе краткую вспышку раздражения, но после взял себя

в руки. – В общем, сейчас к тебе придет Антон Аверьянов, расскажи ему, где что лежит, и объясни, как забрать. Только без ненужной конкретики – просто груз. Он в курсе, что там, но лучше лишний раз не упоминать. И да, повежливее с ним, это все-таки аристо, имей в виду. Ты когда уезжаешь? Сегодня? – быстро перевел я тему.

– Вчера должен был, вечером, – ответил несколько озадаченный Мустафа.

– Бывает, – философски пожал я плечами, разворачиваясь. Сириец явно хотел мне многое сказать, но я уже вышел из комнаты в поисках Аверьянова.

Конечно, спросить, куда княжна разместит неожиданного гостя, сразу я не догадался, поэтому пришлось потрудиться, прежде чем нашел. Отлично день начинается! По лесу всю ночь бегал раненым лосем, теперь вот по усадьбе круги нарежаю – подумал я, когда не обнаружил в холле ни княжну, ни Аверьянова. Перехватил одного из слуг, применив силу убеждения, узнал, куда княжна определила гостя, и заторопился в указанный коридор.

Аверьянов сидел на террасе выделенных ему апартаментов и грустил. Мое появление встретил неприязненным взглядом, но, несмотря на незамаскированную и легко читаемую агрессию, сам я его уже почти любил. Вовремя он все же сюда пришел, и из клана его выгнали очень кстати.

– Итак, Антон. Сейчас ты отправишься в западное крыло усадьбы и на втором этаже найдешь апартаменты моего старого друга и ординарца. Второй коридор направо и до упора, не ошибешься. Его зовут Мустафа, и это курирующий меня до недавнего времени сотрудник ФСБ под прикрытием. Из-за несогласованности в работе службы у него возникла проблема с делом государственной важности. Его срочно отзывают, замену пока не прислали, а я не могу ему помочь. Меня приняли под эгиду императорской канцелярии, а они с фээсбэтменами, сам знаешь, не сильно в ладах. Так что или ты, или никто.

Мустафа покажет тебе, где лежит важная посылка, которую в скором времени придут забрать его коллеги. Тебе надо будет лишь передать груз людям, которые придут за ним от его имени.

– Мне это...

– Тебе это не нравится, – эхом повторил я, расстроившись. – А мне не нравится помогать тебе, подтирая сопли и решая твои проблемы, – без обмана уже начал я всерьез закипать. – Я тебе сказал уже, или помогаешь моему бывшему опекуну из ФСБ, или вали отсюда. Опций задавать тупые вопросы и ныть нигде не предусмотрено, это ясно?! Ворота там, Мустафа там, решай быстро – или я тебя сейчас сам отсюда выпну.

Закончил я уже вполне спокойным голосом. Аверьянов по мере моих слов сам понемногу закипал, как чайник, но не засвистел – возражать не решился. Поднялся, сверля меня взглядом, и пошел на поиски Мустафы.

Вот и отлично, пусть договариваются. Сам же я направился к воротам усадьбы, где меня ждало вызванное Зоряной такси. Через двадцать минут я уже стоял у небольшого отеля на Ингульской улице. В холле мое появление не осталось незамеченным. Я целеустремленно направился к лестнице, но наперерез мне торопливо бросился бдящий за порядком администратор. Он даже попытался начать предупреждать меня о вызове полиции, если я не остановлюсь и не покажу документы, но чуть погодя успокоился в момент.

Я был без пиджака с яркой эмблемой гимназии – оставил в ожидающей машине, поэтому администратор не сразу понял, что я в форме гимназиста. Но как только понял, что я из заведения имени барона Виттефта, сразу переменял тон на предупредительный. А когда я еще сказал, что ищу своего наставника Андре Смирноффа, обитающего в двадцать втором номере, ставший весьма любезным администратор даже вызвался проводить меня. Поднимаясь по лестнице следом за поменявшим гнев на милость сотрудником отеля, я думал о том, что, когда находишься в статусе полубога – а одаренные этого мира ими и являются для всех остальных, – жить все же становится легче и веселее.

Дверь в номер Андре открылась не сразу, пришлось стучаться несколько минут. Я, конечно, переживал, но пути назад не было. Уже пришел, долблю в дверь, не уходить же. Удалившийся было администратор несколько раз показывался в конце коридора, взволнованно поглядывая на меня, но не приближался. И когда я уже начинал всерьез нервничать и переживать, а администратор, также нервничая, медленно все же пошел в мою сторону, собираясь озвучить какое-то наверняка дельное предложение, дверь открылась.

– Э... здрасте, – удивился я, глянув в лицо эффектной блондинки в махровом халате. Осмотрев меня с ног до головы, женщина выглянула в коридор, внимательно осмотрела и администратора, а после вдруг захлопнула дверь перед моим носом.

– Э... – настала очередь удивиться и предупредительного администратора. – Господин гимназист, а может быть имеет смысл позвонить господину Андре в номер? – осторожно поинтересовался он.

«Отличная идея, кстати, что ж ты ее так поздно предложил?» – спросил я мысленно. Но нужда в этом отпала сама собой. Дверь вновь открылась, и эффектная блондинка взглядом показала мне заходить.

Здоровья и жизненной энергии Андре, судя по всему, было не занимать: кроме открывшей дверь эффектной блондинки, в комнате присутствовала еще одна эффектная блондинка. Тоже в махровом халате и явно недавно из душа. Сам Андре, одетый в тактические штаны и песчаного цвета майку, несмотря на ночной марш-бросок, выглядел свежо и бодро. Жестом инструктор пригласил меня в соседнюю комнату, указав гостям на голо-экран, при этом попросив сделать звук погромче.

Присев за стол, Андре показал место напротив и выжидательно на меня посмотрел.

– Хефе, так сложилось, что мне больше не к кому обратиться, поэтому решил прийти к вам. Вы сможете мне помочь найти команду наемников, которые способны на акцию возмездия в Волинском протекторате?

– Цель, сроки, бюджет, – после небольшой паузы только и сказал Андре, совершенно не показав удивления.

– Герхард Мюллер, один из серых кардиналов нижнего уровня Высокого Града. Связан с правительством протектората криминальными схемами, обитает в бывшем торговом молле нижнего города, где официальная власть и закон не действуют. Сроки – через два дня, в ночь с воскресенья на понедельник. Оружие и экипировка свои, или их необходимо будет приобрести на месте. Бюджет обсуждаемый, расценок я не знаю.

– Твой интерес?

– Он меня на органы продал, – кратко сформулировал я.

Пусть на органы меня Степа продал, а Мюллер просто сдал аравийцам, все равно подобное определение довольно близко к истине, да и объяснять долго не нужно.

– Цель, достойная интереса, – покивал Андре задумчиво. – Бюджет предварительно двадцать тысяч фунтов на человека. Команда из четверых бойцов, плюс оружие и снаряжение приобретаются на месте. Девяносто тысяч ориентировочно, цена может поменяться в пределах десяти процентов. Мюллера необходимо просто устранить, или есть нюансы?

Максимум сто тысяч английских фунтов, около четырех тысяч золотых рублей – мысленно прикинул я. Стоит оно того?

– Устранить необходимо с особым цинизмом, по возможности конечно, – решил я после краткого раздумья, что дело того стоит. – Что с трофеями, как делить?

– Не понял вопрос... – покачал головой Андре.

– Если у Мюллера в сейфе я найду килограмм золота, забираю его себе или делим по долям на всех?

– Ты собираешься участвовать и сам его исполнить?

– Желательный вариант.

– Тогда цена другая. Ориентируйся на сто двадцать тысяч фунтов, плюс компенсация за покупку оружия на месте, плюс возможная надбавка за сложность в пределах двадцати процентов. Аванс половина – шестьдесят тысяч.

– Согласен, – кивнул я в ответ на вопросительный взгляд.

– По трофеям. Это будет рейдовая акция в консорте, трофеи пополам между отрядом исполнителей и тобой. Но командование операцией за лидером отряда, подчинение ему с твоей стороны должно быть безоговорочным. Высокий Град довольно поганое местечко, особенно его нижний город, и, вместо того чтобы вскрывать сейфы, возможно, необходимо будет срочно уходить. Это понятно?

– Так точно. Обсудим детали?

В гимназию я пришел только к обеду. Староста класса, мне можно. У меня дела неотложные. Это я так, если что, готов был объяснять прогул. Но делать подобного не пришлось – никто мне даже и слова не сказал.

Пока с удовольствием от первичных результатов воплощения неожиданного плана поглощал поздний завтрак, ко мне вновь за стол присела Анастасия. Снова мы перекусили, ни слова друг другу не сказав. Я только коротко поглядывал на беззаботно выглядящую княжну, зависая в меню ассистанта. Запрос о прошлогодней успеваемости одноклассникам я отправлял три дня назад, во вторник, а к утру пятницы ответило на него всего девять человек. Из которых четверо – одержимые моей команды.

Да, так далеко не уедем – решил я и за несколько минут сформулировал и отправил несколько писем в администрацию гимназии. Потом, когда получил ответы от роботов, еще пара писем уже живым сотрудникам, и уже через десять минут получил результат – запланированное собрание класса второго года обучения Индиго, посвященное деловой этике, список участников вложением. Время проведения – девять тридцать утра, дата – воскресенье, шестое сентября. Не хотят по-хорошему, будем по-плохому.

Какой я сегодня утром красавчик, прямо все получаться начало – подумал было я и сразу вдогонку получил приятный сюрприз: пришло сообщение, что Андре отменил назначенную на сегодня «встречу». Проведенные два занятия он еще ночью запретил нам даже называть тренировками, рассказав, что его тренировки еще не начинались.

В только что полученном сообщении каждому из команды предназначался расписанный план нагрузок на период с пятницы по понедельник, а вот напротив моего имени стояла ремарка «занятия по индивидуальному плану». На радостях от такого известия я допил чай, забил на учебу и покинул гимназию, отправившись в усадьбу Юсуповых-Штейнберг.

Несмотря на то, что с учебой на сегодня было покончено, поспать мне так и не удалось. Необходимо было решить вопрос со снятием денег со счета, а также с попаданием в протекторат, потому что делать это как в прошлый раз, прилетая или приезжая по билету на имя Артура Волкова, чревато последствиями. Все же в Волынском протекторате меня не только продавший аравийцам Мюллер помнит, но и сотрудники Линклейтерс – адвокатской конторы, из которой меня конфедераты вытащили. Но этот вопрос оказался вполне решаемый. С перемещением на территорию протектората помог Андре, еще утром процедуру проговорили.

Перед тем как покинуть поздним вечером усадьбу через черный ход, оставил Зоряне необходимые указания – насчет того, что необходимо сообщить завтра утром Анастасии, а также фон Колеру. Запасной парашют ведь тоже надо оставить.

Зоряна, было видно, за меня волновалась, хотя и старалась не показывать вида. Попрощались довольно сдержанно, но я все же видел, что девушка едва-едва владеет собой от волнения. Да и сам я, если честно, переживал.

Утро субботы встретил в небольшом уютном мотеле города Кобрин, ожидая обещанного проводника. И только когда окончательно проснулся, приняв душ, я полностью осознал, какую схему сейчас пытаюсь провернуть. На свежую голову стало несколько неуютно, словно

в порыве азарта необдуманно совершил крупную ставку и вдруг понял, что комбинация карт в руке не такая уж и хорошая, как казалась вначале.

На несколько мгновений даже заволновался запоздало, размышляя, во что ввязался, но чуть погодя вспомнил рассказ Джека Лондона о неукротимом белом человеке и успокоился. А после и проводник подошел, ответственный за мою доставку в протекторат, так что волноваться некогда стало.

Глава 6

– Добрый день, меня зовут Моисей Яковлевич, и сегодня я напавлю все усилия на то, чтобы помочь вам в гешении наличных пблем, – бодро представился молодой человек лет двадцати пяти, вид которого на несколько мгновений ввел меня в ступор.

Передо мной сейчас стоял самый настоящий еврей-ортодокс: черный костюм, белоснежная рубашка без галстука, застегнутая до последней пуговицы, широкополая черная шляпа, из-под которой выбивались выющиеся ярко-рыжие, свисающие до середины жидковатой бороды пейсы.

За плечом столь неожиданно выглядящего визитера маячил совсем уж молодой спутник точь-в-точь в таком же облиции, только волосы его были не огненно-рыжими, а светлыми, пшеничными. Кроме того, у него не было бороды, зато он гордо нес на носу массивные очки в роговой оправе.

Выждав несколько секунд, заметив мое удивление и дав время прийти в себя, визитер взглядом показал мне вглубь комнаты, непрозрачно намекая, что неплохо бы пригласить гостей войти.

– Вы из какой конторы? – поинтересовался я для проформы.

– Фгидман Моисей Яковлевич, адвокатское бюго Лазег-гсен и Лазег-гсен, к вашим услугам.

– Прошу, – приоткрыл я дверь чуть шире. Порывисто кивнув, так что длинные завитые пейсы качнулись, Фридман вошел. Одной рукой при этом он придержал полы пиджака, а второй поднял впереди себя внушительных размеров хромированный кейс.

Следом за Фридманом прошел его спутник с пшеничными волосами и, совершенно не обращая на меня внимания, направился в другую комнату апартаментов. Чувствовал он себя по ощущениям совершенно как дома. Выглянув в проем, я убедился в этом: молодой человек уже сбросил пиджак, включил голо-экран и раскрыл свой небольшой чемодан, доставая игровой джойстик и разбираясь с проводом нейрошунта.

Меня вдруг догнала зудящая мысль, и я глянул в спину своего сегодняшнего неожиданного проводника.

– Моисей Яковлевич!

– Да, Агтуг Сег-геевич? – не утрудился тот даже взглянуть на меня, возложив на стол свой массивный кейс.

– Сегодня же суббота.

– Вы-таки хотите сказать, что мне сегодня даже нельзя обгивать туалетную бумагу по пегфогации, занимаясь делами? – понимающе усмехнулся Моисей Яковлевич.

Про туалетную бумагу я не знал, но о запрете на работу в субботу в общем и хотел сказать, поэтому просто кивнул.

– Не пегеживайте, в адвокатском бюго Лазег-гсен и Лазег-гсен всегда... – Фридман сделал паузу, показав пальцем в потолок, и убедительно добавил, – всегда все под контголем. После юрист блеснул белоснежной улыбкой и широким жестом фокусника распахнул свой кейс, доставая оттуда предметы одежды.

Наблюдая, как костюм, туфли, шляпа с париком и даже массивные роговые очки выкладываются на стол, я понял все. Желая убедиться в догадке, вновь заглянул в проем двери в соседнюю комнату. Бессловесный спутник Фридмана уже вольготно развалился на кресле. На диване поодаль валялись небрежно брошенные пиджак, шляпа с париком и очки с накладным носом, а сам преобразившийся юноша уже был в широкой каске-сфере дополненной реальности, в руках держал джойстик, а на голо-экране перед ним горел объемный логотип игры Мир Боевых Роботов.

– Пошу, Агтуг Сег-геевич, – отвлекая, показал мне на одежду Фридман.

Интересно, он также только в маске хасида-ортодокса, как и спутник? А специфический говор такой же камуфляж, как пейсы, или на самом деле Фридман так разговаривает? – думал я, переодеваясь.

Костюм подошел идеально. Не очень привычно было лишь без галстука в застегнутой до горла рубашке. Рука то и дело машинально тянулась к верхней пуговице, расстегнуть. Со шляпой и париком мне помог Фридман. Маскировочные накладки были явно не из простого силикона и, прилипнув к коже, стали от нее почти неотличимы.

Закончив мое преображение и оценив результат, молодой юрист жестом предложил последовать на выход, куда мы и двинулись. В больших тяжелых очках было очень непривычно, качающиеся на ветру пейсы неприятно щекотали щеки, кожа под накладками зудела, но я стоически терпел. Тем более идти оказалось не так далеко – по словам юриста-проводника, не более трех кварталов.

Внимания со спутником, несмотря на экзальтированные, на мой взгляд, наряды, мы совсем не привлекали. Кроме нас, я увидел еще нескольких человек в похожей одежде. Наткнувшись взглядом уже на третьего встреченного ортодокса, я обратился к памяти Олега и вдруг полностью осознал, в чем дело.

Здесь, в этом мире, не было Второй мировой. И последствия этой неслучившейся трагедии мирового масштаба во многом кардинально изменили окружающую действительность. Вернее, изменили для меня. А для местных обитателей, наоборот, все осталось по-прежнему.

Кроме памяти Олега, у меня с собой был привнесенный из дома багаж знаний о местах, где сейчас нахожусь, пусть и несколько поверхностных. Но благодаря этим знаниям, осматриваясь вокруг, я сравнивал этот мир и свой, уже хорошо представляя подноготную увиденного.

В начале двадцатого века в исторических пределах Галицко-Волынского княжества или, еще шире, Полесья – территорий на границах современных и привычных мне Польши, Белоруссии, Украины и России – во многих небольших городах доля еврейского населения была весьма значительна. Иногда превышая и половину от общего количества, как в Кобрине или, допустим, в российском Невеле, историей которого я как раз интересовался дома. И состав населения в подобных городках этого мира кардинально не менялся после немецкой оккупации и этнических чисток, как это было в знакомом мне прошлом со Второй мировой.

В этом мире, как и моем, в Первую мировую Кобрин был оставлен российскими войсками, и его также заняли части кайзеровской армии. Вот только потом история – с началом стран Антанты войны на уничтожение одаренных – пошла по другому сценарию, а сама галицко-волынская территория на долгие годы стала одним из основных полей ожесточенных битв.

Царство Польское Российская Империя, позже превратившаяся в Конфедерацию, по итогам Первой мировой потеряла, как и Волынь. Бывшие территории Гродненской губернии, в границах которой раньше находился Кобрин, сейчас являлись в большинстве вольными княжествами Российской Конфедерации.

Сам же город Кобрин в затянувшейся здесь Первой мировой стал важным опорным пунктом кайзеровской армии и, по итогам войны, или Войны, как называли ее в этом мире, в Российскую Конфедерацию не вернулся, приобретя статус полиса и получив от ООН Новое Магдебургское право. Вот только после этого городской совет почти сразу вполне официально для защиты города и горожан нанял на службу войска рейхсхеера – Германской императорской армии.

Численность немецких войск в городе была совсем небольшая, не больше двух рот, но даже по ходу небольшой прогулки по чистым улочкам города несколько серых мундиров кайзеровской армии я заметил. Но настоящий разрыв шаблона у меня произошел, когда мы с Моисеем, в нашем кричащем облачении евреев-ортодоксов, прошли мимо штаба гарнизона,

прямо под знаменем с черным крестом и вышитым девизом. А девиз в кайзеровской армии здесь сохранился с начала двадцатого века и по-прежнему звучал как «Gott mit uns».

У Русской императорской армии, кстати, на полковых знаменах девиз «Съ нами Богъ» также до сих пор повсеместно присутствовал. Кроме, конечно, частей из нехристианских народов, таких как знаменитая Дикая дивизия. Такая вот удивительная петля во времени и пространстве, заметная в этом мире только мне.

Пока думал о завихрениях пространственно-временного континуума, в памяти всплывали все новые знания Олега, постепенно дополняя картину. Вольный город Кобрин, с охраняющими его интересы войсками рейхсхеера, был анклавом Евросоюза здесь в Полесье, на стыке интересов Речи Посполитой и Российской Конфедерации. И, конечно же, корпораций.

Волынский протекторат, как и Вольные княжества Конфедерации, был территорией, где традиционно вольготно себя чувствовал Торговый союз – он же корпорация Ганза. Но Кобрин выделялся анклавом и здесь. В городском совете уже второй десяток лет большинство было не за ставленниками Ганзы, а из сторонников средиземноморских торговых республик. И прямо напротив здания городской управы расположилось посольство Флорентийского герцогства, с красующейся на фасаде алой лилией на белом щите. Кроме всего этого, Кобрин еще в середине двадцатого века стал базой сразу нескольких авторитетных русских и европейских частных военных компаний. Сюда, как и во французский Обань, со всей Европы прибывали наемники, желающие найти хорошие деньги, а иногда и новую личность взамен на готовность проливать свою кровь за чужие интересы.

Казалось, в Кобрине собралось воедино столько взаимоисключающих интересов, что город вот-вот должен исчезнуть во вспышке очищающего пламени. Но этого не происходило, и даже более того – чистый и уютный городок с прекрасно сохранившейся исторической застройкой был тихим островком спокойствия. Здесь спокойно себя чувствовали местные жители, а евреи-ортодоксы в традиционных нарядах невозмутимо гуляли под немецкими знаменами с черным крестом.

Я уже видел не первого, и даже не десятого встречного хасида, даже немного удивляясь, насколько их вокруг много. Но разгадку подсказал сплав из обрывочных знаний памяти Олега, эха запомнившейся емкой фразы, мельком услышанной в чужом разговоре на вокзале Царичина пару недель назад, и собственная логика.

Носить пейсы в России запретил еще император Николай I, и этот запрет никто не думал отменять; в Речи Посполитой хасидов вовсе не привечали, так что коммуны евреев-ортодоксов в Восточной Европе, предполагаю, обитали в вольных городах по типу Кобрина.

Хасидов в традиционных одеждах вскоре вокруг стало совсем много. Причина оказалась проста – ведущий меня Моисей уверенно зашел в синагогу. Когда я следом за ним прошел через невысокие двери, Фридман уверенно увлек меня в сторону, в служебные помещения, где мы, не задерживаясь, спустились в подвал.

Плохо освещенные коридоры, полудюжина дверей – замки которых были настроены на биометрию, – лестница уже вверх, и мы вдруг оказались в пустынных коридорах офисно-делового центра. Пройдя еще совсем немного, Моисей Яковлевич остановился у одной из дверей, приложил к замку ладонь и приглашающим жестом показал мне заходить.

Шагнув через порог, я оказался во вполне обустроенной переговорной. По стенам диваны, поодаль стол с напитками и легкими закусками, кулер с водой. В середине помещения большой круглый стол с несколькими тонкими проекциями мониторов, в самом центре столешницы объемный схематичный план Ямы. На фоне светло-голубых линий проекции молла ярко выделялись красные фигурки охранников и желто-оранжевые обозначения обычного для воскресной ночи скопления посетителей, выполненные в стиле теплых пятен биомассы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.